

Этнографическія наблюденія въ Абхазіи.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 22 декабря 1892 года).

Мм. Гг.!

Путешествуя въ теченіе 5 лѣтъ по Абхазіи, я имѣлъ возможность болѣе или менѣе коротко познакомиться съ населеніемъ страны—съ его домашнимъ и общественнымъ бытомъ, съ его характеромъ, религіозными воззрѣніями, кое-какими преданіями и проч. При всякомъ удобномъ случаѣ я старался заносить свои наблюденія въ записную книжку. Я долженъ однако сказать, что наблюденія эти велись безъ всякой опредѣленной системы: цѣль моихъ путешествій была совершенно иная—ботаническія изслѣдованія страны,—и я записывалъ лишь то, что приходилось случайно увидѣть или услышать во время моихъ кратковременныхъ остановокъ въ абхазскихъ аулахъ. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ отрывочныхъ наблюденій составилось извѣстное количество матеріала, который, быть можетъ, представитъ нѣкоторое значеніе для лицъ, интересующихся этнографіей Кавказа. Впрочемъ, я не осмѣлился бы рекомендовать мои скромныя наблюденія Вашему просвѣщенному вниманію, если бы не побуждали меня къ этому слѣдующія соображенія: во-первыхъ, крайняя сбичивость литературныхъ свѣдѣній объ образцахъ, и во-вторыхъ, быстрая утрата этимъ народомъ своей племенной самобытности, заставляющая опасаться, что въ скоромъ времени могутъ исчезнуть многіе распространенные теперь обычаи, и что такимъ образомъ будущій этнографъ при своемъ стремленіи возстановить старинный бытъ страны можетъ встрѣтить величайшія затрудненія. Остановимся нѣсколько подробнѣе на первомъ изъ этихъ соображеній. Что касается литературы объ Абхазіи, мы должны сказать, что едва-ли о какомъ-нибудь другомъ горскомъ племени Кавказа писали такъ много, какъ объ Аб-

хазцахъ. Но, если перечестъ всю эту груду печатнаго матерьяла, разбросаннаго въ повременныхъ кавказскихъ изданіяхъ за 1860 и 1870 годы,— въ нашихъ представленіяхъ объ образцахъ неминусо должно получиться необыкновенный сумбуръ: такъ сбивчивы, неясны, а часто и прямо противорѣчивы сообщаемыя о нихъ разными авторами свѣдѣнія. Мы не станемъ упрекать за это лицъ, собиравшихъ эти свѣдѣнія. Не слѣдуетъ забывать, что эти лица жили и дѣйствовали въ то время, когда мы еще далеко не могли назвать себя хозяевами положенія въ Абхазіи, и, вслѣдствіе этого, собраніе свѣдѣній въ странѣ было сопряжено съ величайшими затрудненіями и даже нерѣдко съ опасностью для жизни собирателя. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ среди литературы объ Абхазіи много весьма цѣнныхъ статей, которыя должны послужить основой для будущихъ этнографическихъ изслѣдованій Абхазіи. Изъ этихъ статей на первомъ планѣ должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанныя «Очерки Абхазской Миеологіи» Соломона Званбайя, дающіе намъ превосходное понятіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ Абхазцевъ, а также цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ» за 1870 и 1871 гг. и принадлежащихъ перу частію бывшаго начальника Сухумскаго Округа г. Введенскаго ¹⁾, частію ген. Краевича ²⁾, частію неизвѣстнаго мнѣ автора, скрывшагося за 3 звѣздочки ³⁾, которыя обстоятельно знакомятъ насъ съ религіознымъ состояніемъ Абхазцевъ, а также отчасти съ ихъ соціальнымъ бытомъ, именно: съ раздѣленіемъ на сословія, съ нѣкоторыми основаніями обычнаго права, со взглядами на бракъ. Укажемъ затѣмъ на статью г. Люлье въ Запискахъ Кавказ. Отдѣла Русск. Географ. Общества за 1857 г. ⁴⁾, точно устанавливающую границы абхазскаго племени на Кавказѣ и связь его съ другими кавказскими народностями. Отрывочныя, но чрезвычайно правдивыя и притомъ художественно изложенныя свѣдѣнія объ Абхазіи находятся въ извѣстныхъ «Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера фонъ-Торнау ⁵⁾. Статьи гг. Заподскаго и Аверкіева, помѣщенныя въ газетѣ «Кавказъ» за 1860 годы, незначительны и по сравненію

¹⁾ Религіозныя вѣрованія абхазцевъ, А—а (Введенскаго). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

²⁾ Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самуразакани). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самуразакани. Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. III.

³⁾ Абхазцы (Азсга),—по поводу сочиненія Дубровина: «Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ». Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. VI.

Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горц. вып. IV.

⁴⁾ Общій взглядъ на страны, занимаемыя черкесами, абхазцами и другими народами. Зап. Кавк. Отд. Рус. Геогр. Общ. кн. 4, 1857 г.

⁵⁾ Приложеніе къ «Русск. Вѣстн.», 1864 г.

съ вышеупомянутыми статьями не представляют ничего новаго. Къ статьямъ гг. Мачварьяни и Чернявскаго слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, такъ какъ эти господа собираютъ свѣдѣнія не на мѣстѣ, а изъ десятыхъ устъ. Абсолютно—невѣрныя, искажающія истинное положеніе вещей свѣдѣнія (которые, къ сожалѣнію, нашли себѣ мѣсто въ почтенномъ трудѣ Дубровина «Исторія Кавказской войны»), находятся въ запискахъ Гавріила, еп. Имеретинскаго ¹⁾ и въ полубеллетристическихъ очеркахъ писателя 50 годовъ Савинова (см. его «Достовѣрные рассказы объ Абхазіи», «Два года въ плѣну у горцевъ» и проч.). Вотъ вся главнѣйшая этнографическая литература объ Абхазіи. Если прибавить еще къ этому старинныя сочиненія Dubois de Montpreux, Клапрота и Гастгаузена—мы перечислимъ все, что писалось заслуживающаго вниманія объ Абхазіи. (Мы не говоримъ о многочисленныхъ статейкахъ, принадлежащихъ перу болѣе мелкихъ авторовъ, которыя разбросаны въ газ. «Кавказъ» за 1850—1870 гг.: сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія настолько скудны и такъ противорѣчивы, что о нихъ не стоитъ совершенно упоминать. Равнымъ образомъ, мы проходимъ молчаніемъ книжку, изданную братіей Ново-Аѳонскаго монастыря (близъ Сухума) подъ громкимъ заглавіемъ: «Описаніе Абхазіи»; это произведеніе, принадлежащее перу какого-нибудь доморощеннаго монастырскаго писака, наполнено частію заимствованіями изъ другихъ авторовъ, частію собственными измышленіями, завѣдомо искажающими истину).

Какъ видно изъ этого краткаго очерка, литература объ Абхазіи не отличается особенною полнотою. Не говоря уже о томъ, что въ ней совершенно отсутствуютъ археологическія свѣдѣнія (если не считать сочиненій Dubois de Montpreux, Кондакова, Нордмана и друг., трактующихъ исключительно о древнихъ памятникахъ христіанской культуры) и не сообщается ничего о преданіяхъ народа,—и по другимъ отдѣламъ сообщаемыя въ ней свѣдѣнія частію неполны, частію сбивчивы. Вслѣдствіе этого, смѣю думать, что мои наблюденія оказались бы не лишними, дополнивъ собою нѣкоторые изъ существующихъ въ литературѣ объ Абхазіи пробѣловъ.

Первоначальной моею мыслью было сообщить вамъ, Мм. Гг., мои наблюденія въ томъ самомъ отрывочномъ видѣ, какъ они собирались и записывались. Но послѣ я рѣшилъ, что сообщеніе мое значительно выиграло бы въ интересности, если бы я, дополнивъ свои наблюденія нѣкоторыми свѣдѣніями, помѣщенными въ наиболѣе солидныхъ изъ вышеупомянутыхъ статей, представилъ бы вамъ болѣе или менѣе связанный очеркъ современной Абхазіи. Такимъ образомъ въ мое сообщеніе, кромѣ моихъ личныхъ наблюденій, войдутъ

¹⁾ Обзорѣніе абхазскихъ приходовъ («Кавказъ» 1870 г., №№ 42, 43, 44).

еще (съ надлежащими каждый разъ о томъ оговорками) и свѣдѣнія, почерпнутыя мной изъ литературы (именно—изъ статей Званбойя, Введенскаго и анонимнаго автора, скрывшагося за 3 звѣздочки).

Приступая теперь къ предмету своего сообщенія, я считалъ бы не лишнимъ ознакомить васъ прежде всего съ страной, о которой идетъ рѣчь въ моемъ сообщеніи.

Подъ именемъ Абхазіи извѣстна страна, лежащая на Восточномъ берегу Чернаго моря, приблизительно между $43^{\circ} 20'$ и $42^{\circ} 20'$ с. ш. На сѣверѣ она граничитъ съ Черноморскимъ округомъ, отъ котораго отдѣляется Гагринскимъ краемъ; на югѣ, по р. Ингуру, проходитъ граница ея съ Мингреліей. На СВ. Главный Кавказскій хребетъ составляетъ естественную ея границу съ Кубанскою областью, а на югѣ и юго-востокѣ высокій контрфорсъ Главнаго Хребта, на 5 верстной картѣ носящій названіе хребта Дусодисвнѣтъ, а у туземцевъ извѣстный подъ названіемъ Арюмъе, отдѣляетъ ее отъ Сванетіи. Въ общемъ, страна имѣетъ протяженія съ СЗ. на ЮВ. до 180 верстъ. Устройство поверхности ея въ разныхъ мѣстахъ различное. Но вообще можно сказать, что это преимущественно горная страна, какъ это отлично можно видѣть на рельефной картѣ. Горы Абхазіи не высоки; самыя высокія изъ нихъ едва достигаютъ 12500—13000 ф. (Псышь, Капышистра и Харюхра); но зато онѣ отличаются необыкновенно трудной доступностью и полнымъ бездорожьемъ въ нихъ. Послѣднее замѣчаніе имѣетъ силу въ особенности по отношенію къ прибрежнымъ известковымъ горамъ, состояніе дорогъ на которыхъ превосходитъ всякое описаніе. Абхазскія горы пересѣчены множествомъ поперечныхъ ущелій, поразительныхъ по своей неприступности и дикости, по которымъ мчатся бурливыя горныя рѣчки, берущія свое начало въ ледникахъ Главнаго Кавказскаго хребта или въ залежахъ вѣчнаго снѣга въ глубокихъ ущельяхъ второстепенныхъ кражей. Наиболѣе значительныя изъ этихъ рѣчекъ слѣдующія: Бзыбъ, Гумиста, Келассуръ, Кодоръ, Гализча. Большинство рѣкъ, мы сказали, все время текутъ въ узкихъ и дикихъ ущельяхъ; но нѣкоторыя изъ нихъ какъ Бзыбъ и Кодоръ, въ среднемъ теченіи своемъ протекаютъ по болѣе или менѣе широкимъ долинамъ, вполне пригоднымъ для человѣческихъ поселеній, которыя тамъ нѣкогда и существовали. Въ сѣверной части страны отъ р. Бзыби до Псыртси, горы отстоятъ отъ моря приблизительно верстъ на 20, и между ними и морскимъ берегомъ остается болѣе или менѣе ровное пространство, носящее характеръ то низменности, то слегка возвышенной равнины, по которой волнами пробѣгаютъ, въ перпендикулярномъ къ морю направленіи, волнообразныя гряды не высокихъ холмовъ, отдѣляющіяся другъ отъ друга неглубокими долинами рѣчекъ Аиста, Хюнста, Мычишь и проч. Эту узкую береговую часть страны мы называемъ культурной полосой, потому что только здѣсь въ на-

стоящее время сосредоточены абхазскія поселенія.—Начиная от Псыртсхи и далѣе къ Сухуму и р. Кодору высокія предгорья подходят почти къ самому берегу моря, и культурная полоса, вслѣдствіе этого, чрезвычайно суживается, доходя мѣстами всего до 3—5 верстѣ. За Кодоромъ горы опять отступаютъ отъ морскаго берега, и культурная полоса снова расширяется, доходя въ Аб-живской части Абхазіи верстѣ до 25. Чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ югу, тѣмъ все далѣе и далѣе отступаютъ отъ морскаго берега горы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, культурная полоса все болѣе и болѣе расширяется, приобрѣтая характеръ настоящей низменности, незамѣтно переходящей за р. Ингуромъ въ широкую Мингрѣдскую низменность. Въ Самуразани (такъ называется самая южная часть Абхазіи), эта низменность мѣстами имѣетъ ширины верстѣ до 40 и даже нѣсколько болѣе.

Охарактеризовавъ устройство поверхности страны, скажемъ теперь нѣсколько словъ о ея климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. Защищенная отъ вліянія холодныхъ СВ. вѣтровъ высокою стѣною главнаго Кавказскаго хребта, который достигаетъ здѣсь 9500 футъ средней высоты, и открытая въ это же время вліянію теплыхъ и влажныхъ ЮЗ. вѣтровъ, дующихъ съ моря, Абхазія наслаждается чрезвычайно мягкимъ и ровнымъ климатомъ. Снѣгу въ странѣ выпадаетъ очень немного, и то ближе къ горамъ, въ частяхъ страны, удаленныхъ отъ берега моря; морозовъ ниже 7°—8° Ц. не бываетъ. Весна начинается здѣсь собственно въ мартѣ мѣсяцѣ; но уже въ февралѣ и даже въ январѣ мѣсяцѣ разцвѣтаютъ розы, фіалки, цикламены; а конецъ марта и начало апрѣля представляютъ здѣсь настоящій разгаръ весны: въ это время лѣса бываютъ давно уже одѣты зеленью, и всюду цвѣтутъ благовонныя акаціи и каприфоль, красуются пышные рододендроны и подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ ютятся тысячи яркихъ орхидей, бурачникковыхъ и мотыльковыхъ растений. Зима начинается здѣсь только въ декабрѣ мѣсяцѣ, и по своему характеру мало чѣмъ отличается отъ нашей южной осени. Нѣкоторыя мѣстности, какъ Псыртсха и Сухумъ-Кале, будучи защищены отъ холоднаго дыханія снѣжныхъ высотъ Главнаго Кавказскаго хребта цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ кряжей, находятся въ еще болѣе благоприятныхъ условіяхъ климата, чѣмъ остальные части страны: средняя годовая температура доходитъ здѣсь до 15° Ц., снѣгу почти совсѣмъ не выпадаетъ, термометръ рѣдко когда понижается ниже 1°—2° Ц.,—и здѣсь на открытомъ воздухѣ могутъ зимовать не только вѣчнозеленныя растенія средиземно-морской флоры, какъ мирты, олеандры, лавры, апельсины, лимоны, но даже и настоящія тропическія растенія, какъ пальма, бананы, бромелліи.—При такомъ тепломъ и влажномъ климатѣ, естественно, сила растительности въ Абхазіи поразительна. Роскошные дѣвственные лѣса, состоя-

цію изъ смѣси лиственныхъ, вѣчнозеленыхъ и хвойныхъ породъ, покрываютъ всю страну, начиная отъ берега моря до значительныхъ высотъ, тысячъ до 7 футъ надъ уровнемъ моря, гдѣ они уступаютъ мѣсто привольнымъ нагорнымъ пастбищамъ, покрытымъ пыльною, сочною травою и горящимъ милліонами яркихъ цвѣтовъ. Человѣку приходится здѣсь вести упорную борьбу съ лѣсомъ, который быстро зарастаетъ всѣмъ брошеннымъ культурой землемъ. Абхазскіе лѣса заключаютъ въ себѣ много весьма цѣнныхъ породъ. Не говоря уже о почти неисчислимомъ запасѣ превосходнаго строеваго лѣса, состоящаго изъ каштана, дуба, клена, липы, пихты и пр., Абхазія изобилуетъ такими драгоценными породами, какъ негной-дерево (*Taxus baccata*), грецкій орѣхъ (*Juglans regia*) и самшитъ, или кавказская пальма (*Buxus sempervirens*). Что касается культурныхъ растений, то въ странѣ сѣютъ въ большомъ количествѣ кукурузу и кавказское пшено (*Panicum italicum*), въ незначительномъ количествѣ—табакъ и хлопчатникъ и очень рѣдко—пшеницу и ячмень. Изъ огородныхъ растений разводятъ особый сортъ вьющихся огурцовъ, фасоль, арбузы, тыквы, дыни. Фруктовыхъ садовъ въ Абхазіи масса. Вся береговая Абхазія представляетъ собою какъ бы одинъ сплошной садъ. Тоже можно сказать и о Цебельдѣ и о верхнихъ долинахъ рр. Бзыби и Кодора. Обычныя разводимыя въ садахъ породы грушъ, сливъ, яблокъ, черешни, персиковъ и абрикосовъ не отличаются особенными достоинствами. Хурма (*Diospyros Lotus*), инжиръ (*Ficus Carica*) и гранатникъ (*Punica Granatum*) растутъ въ странѣ первыя два дерева совершенно, а послѣднее—почти дико. Винограду въ странѣ разводится до 3 десятковъ разныхъ сортовъ. Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ высокими достоинствами и даютъ превосходныя крѣпкія вина съ сильнымъ букетомъ, въ особенности 2 бѣлыхъ сорта, извѣстные подъ мѣстными названіями амлаху и авасырхвашъ, и 2 красныхъ сорта—качича и апапнышъ, изъ которыхъ получаютъ бѣлыя и красныя вина тѣхъ же наименованій.—Непроходимыя дебри абхазскихъ лѣсовъ, понятно, изобилуютъ всякаго рода звѣремъ и дичью. Кромѣ бездны разнаго хищнаго звѣря — волковъ, лисицъ, шакаловъ, выдръ, куницъ, кабановъ, медвѣдей и проч.,—въ лѣсахъ водятся во множествѣ дикія козы, фазаны, горныя индѣйки, и мѣстами (въ дикихъ и недоступныхъ ущельяхъ р. Бзыби и ея притоковъ) — олени. По нагорнымъ пастбищамъ и по скаламъ, вѣнчающимъ горныя вершины, бродятъ цѣлыми стадами сѣрны и туры. Мириады дикихъ пчелъ гнѣздятся по лѣсамъ и на горахъ по скаламъ Абхазіи. Онѣ производятъ необыкновенно сладкій и ароматный мѣдъ, которымъ Абхазія славилась изстари и который составлялъ нѣкогда въ странѣ, вмѣстѣ съ виномъ, предметъ обширнаго вывоза.

Вотъ, Мм. Гг., краткая характеристика физико-географическаго и есте-

ственно-историческаго состоянія страны, о которой идетъ рѣчь въ моемъ сообщеніи. Перехожу теперь къ непосредственной темѣ моего сообщенія.

Абхазія въ настоящее время, въ административномъ отношеніи образуетъ Сухумскій округъ, составляющійся изъ слѣдующихъ административныхъ участковъ (прежде—отдѣльныхъ округовъ): Гудаутскаго, Гумистинскаго, Кодорскаго и Самурзаканскаго. Гудаутскій участокъ есть самый сѣверный; онъ обнимаетъ всю такъ называемую Бзыбскую Абхазію, отъ Гагръ до Псыртси. Населенъ онъ почти исключительно образцами, числомъ до 15,000 душъ обою пола. Административный его центръ—м. Гудауты на берегу моря. Гумистинскій участокъ составляетъ центральную часть Абхазіи съ г. Сухумъ-Бале. Онъ простирается отъ Псыртси до р. Кодора. Абхазскаго населенія въ этомъ участкѣ почти нѣтъ (есть всего 2—3 маленькія деревни), а заселенъ онъ преимущественно выходцами изъ разныхъ странъ, главнымъ образомъ—мингрельцами, трапезондскими греками, турсуками армянами, вѣмцами, русскими, эстонцами. Населеніе его официально исчисляется въ 5.818 душъ обою пола. Кодорскій участокъ, иначе Абжуа, тянется отъ р. Кодора до р. Гализги. Населеніе его—чисто абхазское, простирающееся до 15,820 душъ о. п. Административнымъ центромъ этого участка является приморское мѣстечко Очемчиръ. Наконецъ, Самурзаканскій участокъ идетъ отъ р. Гализги до р. Ингура, т. е. до границъ Мингреліи. Это самый большой изъ всѣхъ 4-хъ участковъ. Населеніе его официально показывается въ 30.529 человекъ. Населенъ этотъ участокъ Самурзаканцами—племенемъ абхазскаго происхожденія съ значительной примѣсью мингрельскаго элемента. Центромъ его управленія служитъ м. Окумъ, находящееся въ самой серединѣ Самурзакани ¹⁾.—Населеніе Абхазіи сосредоточивается въ настоящее время исключительно въ береговой полосѣ страны, которую мы и называемъ поэтому культурной полосой. Но прежде, лѣтъ 30 назадъ, поселенія существовали всюду въ горахъ. Наибольше значительными изъ нихъ были поселенія Псхувцевъ въ долинѣ р. Бзыби и Цебельдинцевъ и Дольцевъ въ долинѣ р. Кодора. Послѣ окончательнаго покоренія Кавказа, около 1864 года, населеніе этихъ долинъ все цѣликомъ эмигрировало въ Турцію, и мѣста ихъ бывшихъ ауловъ въ настоящее время совершенно пусты (исключая Цебельды, которая теперь быстро заселяется разными пришельцами, преимущественно греками и армянами).

Коренное населеніе Абхазіи, по изслѣдованіямъ бар. Услара, Загурскаго Люлье и др., принадлежитъ къ совершенно самостоятельному племени, стоящему особнякомъ среди другихъ племенъ Кавказа. Это племя грузины съдвна называли а б х а з и, откуда и произошло наше русское названіе страны;

¹⁾ Свѣдѣнія о народонаселеніи почерпнуты нами изъ Кавк. календаря за 1892 г.

а у черкесовъ оно слыло подъ названіемъ абадза, или азега. Сами себя абхазцы называютъ апсуа, а страну свою апснэ; условнымъ откликомъ ихъ при встрѣчѣ съ другими горцами служитъ слово ахчипсѣ. Абхазцы имѣютъ очень мало общаго, какъ въ языкѣ, такъ и въ религіи съ своими бывшими сосѣдями—Черноморскими и Кубанскими черкесами группы адыге, т. е. съ Натухайцами, Шапсугами, Кабардинцами, Абазехами. Названіе послѣднихъ еще не должно подавать поводъ предполагать родственную связь ихъ съ Абхазцами, такъ какъ оно на языкѣ адыге означаетъ только: живущій ниже Абхазцевъ (Люлье). Что касается Убыховъ, жившихъ по сосѣдству съ Абхазцами, около Сочи и Варданэ, то, если можно полагаться на слова турецкаго путешественника XVII в. Эвлия Эффенди, они были абхазскаго племени и говорили по абхазски¹⁾; по утверженію же Люлье, Убыхи говорили совершенно особымъ языкомъ не имѣвшимъ сходства ни съ абхазскимъ, ни съ черкесскимъ. Впрочемъ, объ Убыхахъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, такъ какъ они тотчасъ же послѣ покоренія Кавказа всѣ до послѣдняго человѣка эмигрировали въ Турцію, а раньше мы не имѣли съ ними никакихъ сношеній, откуда могли бы почерпнуть о нихъ тѣ или другія свѣдѣнія. Другіе ближайшіе сосѣди Абхазцевъ—Джигеты (иначе: Садзенъ, Садзы или Саджуа—какъ ихъ называли Абхазцы), которые жили по берегу моря у Гагръ и Адлера—народъ несомнѣнно абхазскаго происхожденія (Люлье). Послѣ Кавказской войны Джигеты также всѣ выселились въ Турцію. Къ абхазскому же племени принадлежали такъ наз. Медовѣвцы, или Медозюи, подраздѣлявшіеся на отрасли: Псхѣ, Ачхипсѣ и Анбга, занимавшія верхнія долины рр. Бзыби, Мзымты и Псоу; затѣмъ—Цебельдинцы, или Цамбалъ, занимавшіе среднее и верхнее теченіе р. Кодора, а также рядъ народцевъ, жившихъ по ту сторону Главнаго Кавказскаго хребта въ Кубанской области—на верховьяхъ рр. Большой и Малой Лобы, Урупа, Зеленчука и Кубани,—это общества: Багъ, Бароккой, Шегерой, Тамъ, Кизилбекъ, Башилбай, Васъхогъ и др. Всѣ эти народы, послѣ окончательнаго замиренія Кавказа, выселились въ Турцію, за исключеніемъ небольшихъ обществъ на верховьяхъ рѣкъ Зеленчука и Кубани, которыя существуютъ тамъ и понынѣ.

Въ настоящее время, какъ мы уже упоминали выше, коренное абхазское населеніе занимаетъ лишь слѣдующія мѣстности Абхазіи: Гудаутскій участокъ,—здѣсь ихъ до 15,000 душъ, Кодорскій участокъ—до 16,000 душъ и 2—3 незначительныхъ деревни Гумистинскаго участка. Такимъ образомъ, общее число абхазскаго населенія достигаетъ теперь едва 32 тысячъ человѣкъ: это

¹⁾ „Кавказъ“ 1870 г. №№ 64, 65, 68.

всё, что осталось отъ прежняго населенія Абхазіи, исчислявшагося въ 30-хъ годахъ въ 50 слишкомъ тысячъ, а въ 60-хъ въ 70 слишкомъ тысячъ.— Жители Гудаутскаго участка, или Бзыбской Абхазіи значительно рознятся по языку отъ жителей Кодорскаго участка, или Абживской Абхазіи. У первыхъ въ языкѣ вошло очень много черкесскихъ словъ, заимствованныхъ ими отъ своихъ сосѣдей—Черноморскихъ Черкесовъ; у вторыхъ вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Самурзаканью и Мингреліей, языкъ заимствовалъ много мингрельскихъ словъ. Кромѣ того, въ языкѣ тѣхъ и другихъ существуетъ разница и въ самыхъ звукахъ. Вообще, по словамъ знатоковъ абхазскаго языка, нарѣчіе Бзыбское и Кодорское различаются между собою почти въ такой же степени, какъ великорусское нарѣчіе отъ малороссійскаго. Кромѣ различія въ языкѣ, между населеніемъ Бзыбской и Абживской Абхазіи существуетъ нѣкоторая разница и въ обычаяхъ (о нихъ будетъ рѣчь ниже). Что же касается Самурзаканцевъ, то о происхожденіи ихъ существуютъ два взаимно противоположныхъ мнѣнія. Одни утверждаютъ, что Самурзаканцы представляютъ пеструю смѣсь разныхъ народностей абхазцевъ, мингрельцевъ, имеретинъ, гурійцевъ, грузинъ, одновременно сюда переселившихся, основывая свое мнѣніе на языкѣ Самурзаканцевъ представляющемъ особое нарѣчіе мингрельскаго языка. Другіе же считаютъ ихъ народомъ абхазскаго происхожденія, въ который лишь впослѣдствіи, всего лѣтъ 200 назадъ, благодаря долговременному политическому вліянію на Самурзакань Мингреліи, вошелъ элементъ мингрельскій. Въ подтвержденіе своей мысли, они указываютъ между прочимъ на тотъ фактъ, что самыя распространенныя въ Самурзакани фамиліи—Зухбайя, Анчибайя, Акыртава, суть коренныя абхазскія, только видоизмѣненныя на мингрельскій образецъ—Зухба, Ачиба, Акыртаа. Мы лично относительно національности Самурзаканцевъ могли выяснитъ на мѣстѣ слѣдующее: Во 1) многія изъ самурзаканскихъ фамилій, дѣйствительно, настоящія абхазскія и даже считаются въ родствѣ съ таковыми же фамиліями Бзыбской Абхазіи. Въ 2) господствующій типъ населенія въ СЗ. части страны, на границѣ съ Абжуа, чисто абхазскій, въ ЮВ. части страны—чисто мингрельскій. Посерединѣ, около м. Окумъ, преобладаетъ типъ смѣшанный. Точно также варьируетъ и языкъ. Въ СЗ. части страны говорятъ почти чистымъ абхазскимъ языкомъ лишь съ самой незначительной примѣсью мингрельскихъ словъ; въ центрѣ Самурзакани, около Окума, говорятъ больше по мингрельски, хотя встрѣчаются и знающіе абхазскій языкъ. Наконецъ на ЮВ. отъ Окума, въ общинахъ Соберін, Дихазурги, Чубурисхинджи и др., исключительно—господствующимъ языкомъ является мингрельскій, хотя старики рассказывали мнѣ, что въ старину здѣсь говорили больше по абхазски. Въ 3) названія горъ и рѣчекъ—почти исключительно абхазскія. Въ 4) часть религиозныхъ обрядовъ—несомнѣнно абхазскаго происхожденія, тогда какъ другіе мингрельскіе, а мо-

жетъ быть, создались даже на мѣстѣ; нѣкоторыя молитвы читаются только по абхазски. Въ 5) народныя пѣсни—мингрельскія. Въ 6) господствующіе обычаи, и на первомъ планѣ обычаи гостепріимства—строго-абхазскіе. Сами Самурзаканцы не причисляютъ себя ни къ абхазцамъ, ни къ мингрельцамъ, но съ гордостью называютъ себя особымъ племенемъ—Самурзакань. Самое названіе Самурзакань происходитъ отъ слова Мурзаканъ и означаетъ: владѣніе Мурзакане. Такое названіе она получила въ началѣ прошлаго столѣтія отъ правителя ея Мурзакана Шервашидзе, при которомъ она отдѣлилась отъ Абхазіи и стала самостоятельной страной. Такимъ образомъ, большинство данныхъ говоритъ за то, что Самурзаканцы скорѣе происхожденія абхазскаго, и что мингрельскій элементъ явился сюда лишь въ сравнительно недавнее время.

Попробуемъ теперь охарактеризовать вкратцѣ внѣшній типъ Абхазцевъ. Всѣ Абхазцы вообще отличаются высокимъ ростомъ и хорошимъ сложеніемъ. Черты лица—крайне характерныя, сразу отличающія ихъ отъ другихъ племенъ. Въ особенности характеренъ абхазскій кривоватый носъ и черныя глаза, смотрящіе изъ-подъ нависшихъ бровей дико и выѣстъ съ тѣмъ наивно. Почти всѣ абхазцы—крайніе брюнеты. Блондины съ голубыми глазами и свѣтлыми волосами попадаютъ какъ рѣдкое исключеніе. Курьезно, что изрѣдка попадаютъ лица съ огненно-рыжими волосами и еврейскимъ типомъ лица. Не остатки-ли это той самой народности, о которой говорится въ легендѣ о богатырѣ Брискиліа (или: Абрсклѣ), поставившемъ цѣлью своей жизни истреблять людей съ рыжими волосами и голубыми глазами (за то, что они могутъ сглазить)? ¹⁾ Обыкновенно всѣ—и молодые и взрослые люди бреютъ на головѣ волосы наголо, и оставляютъ только усы и бороду. Старики, въ особенности въ Самурбакани, имѣютъ очень почтенный видъ, напоминая изображенія древнихъ патріарховъ и апостоловъ. Въ Ю. В. части Самурзакани, какъ мы уже говорили, мужчины имѣютъ чисто мингрельскій типъ, т. е. черты лица болѣе тонкія и мелкія, выраженіе глазъ—болѣе мягкое.—Абхазскія дѣвушки въ общемъ очень миловидны, хотя имѣютъ очень крупныя черты лица, въ особенности презимѣрно длинный носъ. У нихъ чрезвычайно хороши большіе черныя глаза, красиво вычерченныя брови и очень тонкій и стройный станъ. Красавицъ среди нихъ попадаетъ очень мало. Большая часть красивыхъ типовъ давно была вывезена на продажу въ Турцію. Но и теперь еще въ нѣкоторыхъ наиболѣе глухихъ аулахъ—въ Отхарахъ Калдахварахъ, Бабурхвѣ, попадаютъ настоящія горскія красавицы,—вродѣ тѣхъ, о которыхъ въ старину шла такая громкая слава,—съ пышными волосами, съ необычно-

¹⁾ См. эту легенду въ „Сборникѣ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ за 1892 г. (вып. XIII, отд. II).

венной бѣлизной и тонкостью кожи, съ великолѣпными черными глазами, томно глядящими изъ-подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ, стройныя до очарованія. Замужнія женщины вообще быстро теряютъ свою красоту и абхазскія старухи сплошь и рядомъ представляютъ собой воплощенное безобразіе. Типъ женщинъ въ Ю. В. части Самурзакани значительно рознится отъ абхазскаго. Кромѣ того, въ Самурзакани можно встрѣтить женщинъ съ совершенно мингрельскимъ типомъ лица.

Одѣваются какъ мужчины, такъ и женщины вообще очень просто. Здѣсь нѣтъ того стремленія къ щегольству въ одеждѣ, которое замѣтно у мингрельцевъ, имеретинъ и гурійцевъ. Мужчины носятъ обыкновенно короткую получервещеску изъ грубаго сѣраго сукна мѣстнаго изготовленія, надѣвающуюся сверхъ ситцеваго бешмета, узкіе въ обтяжку штаны и самодѣльные башмаки, или, вѣрнѣе, сандалии изъ необдѣланной телячьей кожи, такъ называемые «а ж ѣ ц ѹ э й м а», замѣчательныя въ томъ отношеніи, что прежде чѣмъ ихъ можно надѣть, нужно ихъ долго размачивать. Необходимой принадлежностью костюма служить башлыкъ, который носятъ, то распуская концы его по плечамъ, то завязывая ихъ на головѣ на подобіе чалмы, по гурійски. Въ старину, еще не такъ давно (всего 30 лѣтъ назадъ), всѣ носили на головѣ высокія остроконечныя папахи ихъ бурки; но теперь это вышло изъ моды, и всѣ носятъ мѣховыя шапочки мингрельскаго или кабардинскаго образца. За кожанымъ поясомъ съ насѣчками изъ серебра обыкновенно носятъ массу разнаго оружія и всегда по крайней мѣрѣ кинжалъ, съ которымъ никогда не расстаются.— Обычная одежда женщинъ состоитъ изъ длиннаго бешмета, такъ наз. «каба», поверхъ котораго носятъ нѣчто въ родѣ безрукавки, или жилетки обыкновенно пестраго и вообще отличнаго отъ каба цвѣта—то, что у турокъ называется «кантаръ», а по-абхазски «э й л а б ѣ». Въ старину женская каба, вмѣсто пуговицъ или крючковыхъ, застегивалась красивыми серебряными застѣжками, т. н. чапразомъ. Шальвары (очень узкіе) составляютъ, разумѣется, необходимую принадлежность женскаго костюма. Обувью женщинъ служатъ обыкновенныя кавказскія сафьянныя чавяки, или туфли. Въ старину, говорятъ, абхазки были сами великія мастерицы изготовлять красивый сафьянъ для обуви. Но теперь это искусство, кажется, совсѣмъ позабыто или существуетъ лишь въ нѣсколькихъ глухихъ аулахъ. Существуетъ очень распространенное мнѣніе, будто черкешенокъ и въ томъ числѣ абхазокъ, еще съ дѣтства зашивають въ длинный корсетъ, отъ котораго онѣ будто-бы освобождаются только по выходѣ замужъ. Мнѣніе это не вполнѣ основательно. Можетъ быть, у черкесовъ и существуетъ подобный обычай. Я, по крайней мѣрѣ, слышалъ, что онъ еще существуетъ кое-гдѣ въ Кабардѣ и у Кубанскихъ Абазинцевъ; но что касается Абхазіи—здѣсь онъ положительно не имѣетъ мѣста. Абхазскія

дѣвушки, дѣйствительно, носятъ нѣчто вродѣ корсета, но только не изъ грубой бараньей кожи, а изъ сафьяну, или—бѣдныя—просто изъ ситцу или полотна, и притомъ далеко не всѣ и не постоянно (надѣвая его лишь въ торжественныхъ случаяхъ). Тѣмъ не менѣе и существующая форма корсета сильно вредитъ красотѣ абхазской женщины. Абхазки, заботясь исключительно о томъ, чтобы талія ихъ была какъ можно стройнѣе и тоньше, своимъ плотнымъ корсетомъ сильно задерживаютъ развитіе грудей, которыя, развиваясь по выходѣ замужъ, принимаютъ, вслѣдствіе этого, некрасивую отвислую форму. Абхазскія женщины не носятъ какого-либо опредѣленнаго головнаго убора, какъ грузинки или гурійки. Ихъ головной покровъ ограничивается простымъ шелковымъ или бумажнымъ платочкомъ, который плотно охватываетъ волосы и завязывается сзади,—а по большей части онѣ ходятъ безъ всякаго головнаго убора. Волосы свои онѣ всегда тщательно заплетаютъ въ нѣсколько косъ. Обычай румяниться и подводить брови существуетъ въ Самурзакани, куда, вѣроятно, проникъ изъ Мингреліи. Впрочемъ, абхазки вовсе и не нуждаются въ этомъ, обладая очень красивымъ цвѣтомъ лица и бровями, лучше которыхъ не могъ бы навести на лицѣ женщины ни одинъ куафферъ-художникъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о жилищахъ, занятіяхъ и вообще о домашнемъ бытѣ абхазцевъ.

Абхазцы никогда не селятся скученными аулами, какъ дагестанскіе или кубанскіе горцы, а живутъ по большей части изолированными другъ отъ друга хуторами, которые окружены бывають фруктовыми садами и кукурузными плантаціями. Только въ Самурзакани, а изъ настоящей Абхазіи—въ тѣхъ общинахъ, гдѣ населеніе съиздавна было болѣе скучено, живутъ болѣе тѣсно и сакли съ ихъ кукурузными плантаціями слѣдуютъ безъ перерыва одна за другой. Обыкновенно же отдѣльныя хозяйства, или думы (какъ ихъ принято называть на административномъ языкѣ), разбросаны на значительное одинъ отъ другаго разстояніе, отдѣляясь иногда другъ отъ друга небольшими перелѣсками, такъ что иногда одна абхазская деревня тянется верстъ на десять. Только въ послѣднее время туземцы начали заводить деревянныя жилища (а кваскѣ), на манеръ гурійскихъ или имеретинскихъ, которыя строятъ имъ плотники грузины. Обыкновеннымъ же, излюбленнымъ абхазцами и самурзакадцами жилищемъ, является ихъ національная сакля (по абхазски а ю н ѣ, по самурзакадски па ц х а), плетеная изъ прутьевъ ивы или, чаще, рододендрона и покрытая сверху папоротникомъ или особымъ злакомъ, называемымъ по абхазски а к а р м а ш ѣ. Обыкновенно, строятъ на каждомъ дворѣ нѣсколько сакель,—по крайней мѣрѣ двѣ-три: одну-парадную, предназначаемую для приѣма гостей и для пребыванія самого домохозяина съ семействомъ, другую—играющую роль кухни и третью—для помѣщенія скота въ зимнее время. Для вѣзъ существуетъ

всегда отдѣльный плетеный сарайчикъ, поставленный высоко на столбахъ, куда эти животныя, большіе любители лазить, взбираются по лѣсенкѣ. Подобный же сарайчикъ на столбахъ дѣлается для храненія кукурузы (для предохраненія ея отъ почвенной сырости). Въ каждомъ хозяйствѣ имѣется также отдѣльная плетунка для помѣщенія домашней птицы и плетеный сарайчикъ для храненія вина. Всякая жилая сакля имѣетъ спереди нѣчто вродѣ веранды, на которой хозяева обѣдаютъ и спятъ въ лѣтнее время. Войдя внутрь абхазской сакли, мы увидимъ прежде всего по срединѣ сакли мѣсто для очага, на которомъ всегда горитъ костеръ и надъ нимъ спускающійся съ поперечной балки подъ крышею на длинной цѣпи или палкѣ съ крючками чугунный котелокъ для варки національнаго блюда—абыста (каши изъ кукурузной муки). Потолка въ саклѣ нѣтъ, нѣтъ и трубы, и дымъ прямо выходитъ сквозь щели стѣнъ. Возлѣ стѣнъ въ саклѣ стоятъ деревянные тахты, или лавки съ разбросанными на нихъ маленькими цилиндрическими подушечками (грузинскія мутаги), а на одной изъ лавокъ стоятъ украшенные кованымъ желѣзомъ и мѣдью сундуки съ хозяйскимъ добромъ и цѣлою горою возвышаются сложенные одно на другое пышныя ватныя одѣяла, которыхъ у каждой хозяйки бываетъ великое множество. По стѣнамъ развѣшано разное оружіе и парадная одежда хозяевъ, а также произведенія рукотѣльи хозяйки. Если хозяинъ дома добрый христіанинъ, у него непременно красуется гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ раскрашенная русскаго произведенія лубочная картинка съ сюжетомъ изъ Св. Исторіи. Мебели, кромѣ низенькихъ скамеечекъ для сидѣнья у костра и такихъ же низенькихъ круглыхъ столиковъ, на которыхъ подаютъ пищу, въ саклѣ не полагается. Гдѣ-нибудь въ углу сакли, на столикѣ, разставлены немногосложныя принадлежности домашняго хозяйства: классическій мѣдный кувшинчикъ съ такимъ же тазикомъ (мингрельской работы) для омовенія рукъ и ногъ, одинъ-два стакана и нѣсколько деревянныхъ чашекъ нашего кустарнаго производства. Такова обстановка абхазской сакли, которая совершенно удовлетворяетъ нетребовательныхъ туземцевъ. Мы, разумѣется, рисуемъ обстановку средняго небогатаго абхаза, гдѣ-нибудь въ отдаленномъ, глухомъ аулѣ. Богатые люди, въ особенности князья и дворяне устриваются гораздо комфортабельнѣе, на русскій или имеретинскій ладъ.

Что касается занятій абхазцевъ, то главное и, можно сказать, исключительное занятіе ихъ—земледѣліе. Землей владѣютъ на общинныхъ началахъ, а именно—всѣ незанятые подъ культуру земли считаются собственностью общины (одной или нѣсколькихъ деревень), и всякій можетъ ими пользоваться, т. е. въ случаѣ надобности имѣетъ право расчистить ихъ подъ посѣвъ, пасти на нихъ скотъ и т. д. Сѣютъ абхазцы преимущественно кукурузу и немного гоми (*Panicum italicum*). Кукурузу предпочитаютъ сѣять единственно на томъ

основаніи, что она требуетъ меньше ухода. Вся работа по культурѣ кукурузы ограничивается тѣмъ, что ранней весной—въ мартѣ, въ апрѣлѣ—все-какъ вспахаютъ первобытнымъ плугомъ землю, и въ концѣ апрѣля, а иные, болѣе лѣнивые хозяева даже въ концѣ мая, засѣваютъ пашню подѣ кукурузу; затѣмъ въ теченіе лѣта придется два-три раза перетоптать кукурузу, т. е. вы-полоть въ ней сорныя травы; къ концу августа кукуруза поспѣваетъ, и еѣ начинаютъ исподволь—иногда вплоть до октября—собирать и сушить. Отдѣльнаго огорода при домѣ не бываетъ. Тутъ же, въ кукурузникѣ, сажаютъ арбузы и тыквы, по высокимъ стеблямъ кукурузы пускаютъ фасоль, а по загоро-ди предоставляютъ виться огурцамъ. Отдѣльнаго сада по большей части также не существуетъ. Фруктовыя деревья и грецкіе орѣхи разбросаны частію на дворѣ, частію—по кукурузнымъ плантаціямъ. Тутъ же, по ольховымъ и хурмовымъ деревьямъ вьется абхазскій виноградъ. Около самаго дома муж-чины засѣваютъ немного табаку, а женщины—хлопчатника. Послѣдній (назыв. по-абхазски аба мба) служитъ въ абхазскомъ быту вмѣсто нашего льна. Въ старину, говорятъ, сѣяли много льна, изъ котораго туземныя женщины умѣли готовить тонкія ткани, которые сами же окрашивали раститель-ной краской, получаемой изъ ягодъ дико растущей здѣсь *Phytolacca de-*
sandra. Теперь ленъ, я слышалъ, разводятъ только въ глухомъ аулѣ Вла-бурхва, гдѣ вообще упорно держатся старины. Въ старину въ странѣ было сильно развито шелководство. Теперь оно почти оставлено и существуетъ только кой-гдѣ въ Самурзакани и Абусуа.

Хлопоты по домашнему хозяйству распределены въ семьѣ слѣдующимъ образомъ. Полевая работа и работы по сбору фруктовъ, винограда и при-готовленію вина лежатъ исключительно на хозяинѣ дома. На немъ же лежитъ обязанность припасать валежникъ для костра и имѣть присмотръ за скотомъ—гонять его на пастбу и обратно, доить козъ и коровъ. Дѣти, преимуще-ственно мальчики, по мѣрѣ силъ помогаютъ отцу въ присмотрѣ за скотомъ. Женщины сравнительно съ мужчинами несутъ очень мало обязанностей. Въ ихъ исключительномъ вѣдѣніи находится огородъ и хлопчато-бумажная план-тація. Онѣ также должны убрать комнату, принести изъ источника воды и приготовить пищу. Въ свободное отъ этихъ работъ время онѣ занимаются рукодѣльемъ. Въ шитьѣ и въ особенности въ вязаньи онѣ большія искус-ницы.

Абхазцы—плохіе скотоводы. Впрочемъ, сама природа въ странѣ такова, что не позволяетъ вести этотъ родъ хозяйства въ обширныхъ размѣрахъ. Развитію его препятствуетъ прежде всего отсутствіе постоянного подножнаго корма. Хорошій подножный кормъ бываетъ въ странѣ только лѣтомъ на нагорныхъ лугахъ, куда обыкновенно и гоняютъ на это время скоть. Осталь-

ное же время года скотъ остается внизу и съ трудомъ отыскиваетъ себѣ въ лѣсныхъ заросляхъ скудную пищу. Сѣно же у туземцевъ заготавливать не въ обычаѣ, да и крайне неудобно. Развитіе скотоводства тормозитъ также лихорадочность климата. Лучшія привозныя породы скота, какъ дозано печальнымъ опытомъ, не выдерживаютъ нездороваго климата страны и быстро чахнутъ. Выдерживаетъ климатъ и прочія неблагоприятныя условія только туземная, невзрачная на видъ, тощая и низкорослая скотина: крошечныя коровы, крошечные быки и такія же небольшія горскія лошади. Лошадей туземцы очень любятъ, такъ какъ почти всѣ—отличные наѣзники, и выработка умѣнья хорошо править лошадыю входитъ существеннымъ элементомъ въ программу абхазскаго воспитанія. Изъ другихъ животныхъ держатъ козъ и буйволовъ, которые чувствуютъ себя въ этой странѣ превосходно. Воранты разводятъ въ Абхазіи очень мало.—Прежде одной изъ важныхъ статей абхазской промышленности былъ звѣриный промыселъ, именно—ловля куницъ въ особые капканы, а также добываніе мѣда дикихъ пчелъ. Въ настоящее время, благодаря введенію въ странѣ новыхъ лѣсныхъ законовъ, воспрепятствующихъ охоту и сборъ меду безъ билета отъ лѣсничаго, оба эти промысла почти оставлены. Въ Самурзакани и Абжуа много занимаются пчеловодствомъ.

Торговлей абхазцы не занимаются и терпѣть ея не могутъ, считая это занятіе позорнымъ, также какъ и ростовщичество. Самурзаканцы держатся точно такого же взгляда на торговлю, и это рѣзко отличаетъ ихъ отъ ихъ сосѣдей Мингрельцевъ, которые въ душѣ всѣ страшные торгаши. Торговля въ Абхазіи находится всегда въ рукахъ мингрельцевъ, армянъ или турокъ. Обыкновенно въ каждомъ большомъ абхазскомъ селеніи находятся одинъ-два духана, или лавочки, куда туземцы сносятъ для промѣна свои естественныя произведенія—кукурузу, мѣстное сукно, сыръ, домашнюю птицу. Денегъ при промѣнѣ не употребляютъ. Каждый кусокъ ситцу или каждый платокъ идетъ за извѣстную мѣру кукурузы или за извѣстное число кружковъ сыру. Матерія, вѣстатъ, туземцы при покупкѣ мѣрятъ всегда локтями—счета на аршины избѣгаютъ. Кромѣ своихъ излюбленныхъ посредниковъ въ торговлѣ—армянъ, мингрельцевъ и турокъ, они ни съ кѣмъ другимъ въ торговныя сношенія не вступаютъ, и ни за какія деньги русскому путешественнику нельзя приобрести какой-либо предметъ, который однако охотно промѣняютъ духанщику за половину его дѣйствительной стоимости. Все сказанное относится, разумѣется, во 1) къ жителямъ болѣе отдаленныхъ, глухихъ ауловъ и во 2) къ простымъ крестьянамъ. Что же касается князей и дворянъ, то нѣкоторые изъ нихъ,—въ особенности обладающіе большими помѣстьями,—занимаются

дѣятельной торговлей, главн. образ. отправкой кукурузы и самшитоваго дерева за границу.

Описывая занятія жителей, намъ слѣдовало бы теперь сказать нѣсколько словъ объ ихъ бывшемъ сословномъ раздѣленіи. Но такъ какъ со времени введенія въ 1866 году на Кавказѣ крестьянской реформы раздѣленія на сословія болѣе не существуетъ, и жизнь населенія складывается теперь со-всѣмъ уже на другихъ началахъ чѣмъ прежде, то мы считаемъ это излишнимъ и отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ обстоятельнымъ статьямъ объ этомъ предметѣ, напечатаннымъ въ «Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ» за 70-й и 71-й годы ¹⁾).

Покончивъ съ обзорѣніемъ физическаго типа абхазцевъ и ихъ внѣшней культуры, перейдемъ теперь къ характеристикѣ изъ внутренняго міра. Начнемъ съ характера абхазцевъ. Абхазцы вообще очень живы, порывисты въ душевныхъ движеніяхъ, крайне любопытны и склонны къ болтливости не менѣе женщины. Поговорка: «болтливъ какъ баба», поэтому не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Наблюдая разговоръ абхазцевъ, удивляешься его живости и массѣ жестикуляцій и звукоподражаній, которыя его сопровождаютъ.— Абхазцы—большіе любители пѣнья. Пѣсни ихъ однако очень монотонны и дики для нашего слуха, и состоятъ по большей части изъ повторенія бессмысленныхъ словъ: «уара да, уара да» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Обыкновенно кто-нибудь высокимъ голосомъ запѣваетъ, а остальные хоромъ ему временами вторятъ, какъ бы аккомпанируя, обыкновенно на низкихъ нотахъ, Иногда запѣвало импровизируетъ, рассказывая какой-нибудь забавный случай или кого-нибудь восхваляя. Дѣвушки поютъ очень рѣдко, изъ скромности. Абхазцы любятъ потанцовать; но танцы ихъ очень однообразны и неинтересны. Въ Абжуа и Самурзакани еще пляшутъ съ грѣхомъ пополамъ лезгинку, но въ Бзыбской Абхазіи танцы solo напоминаютъ прыганье козы. Самый распространенный изъ всѣхъ танцевъ—это т. н. «круговой танецъ», или «танецъ плечъ» (по абхаз. напѣй эбапныквашера, по самурзакански «худжи скапуа»). Молодые люди и дѣвушки берутся за руки и составляютъ общій кругъ. Подъ звуки пѣсни, которая поется всѣмъ хоромъ, всѣ въ тактъ подпрыгиваютъ или кружатся въ ту или другую сторону. Такіе танцы устраиваются на собраніяхъ въ большіе праздники—праздникъ Пасхи, Рождества, Св. Георгія и на свадьбахъ. Занятіе музыкой въ большомъ

¹⁾ Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани). „Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.“ вып. V.

Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани. „Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.“ вып. III.

ходу въ Абхазіи. Почти въ каждой саклѣ имѣется какой-нибудь музыкальный инструментъ. Въ Бзыбской Абхазіи преобладаетъ родъ скрипки, называемой по абхазски «а б х е р ц а» или «ч і а н у р ь», въ Абжуа и Самурзакани—мингрельскій ч о н г у р и. Послѣдній инструментъ разительно напоминаетъ своей формой испанскую мандолину. Абживскіе абхазки и самурзаканки большія мастерицы играть на чонгури. Въ послѣднее время въ Бзыбской Абхазіи стала быстро распространяться русская гармоника.

Одно изъ любимѣйшихъ увеселеній абхазцевъ составляютъ скачки. Онѣ устраиваются при всякомъ удобномъ случаѣ, когда только бываетъ народное собраніе—на праздникахъ, на свадьбахъ, на поминкахъ. На поминкахъ устраиваются спеціальныя скачки—скачки дѣтей. Карапузиковъ, едва видныхъ отъ земли отъ 8—10 лѣтъ, сажаютъ на горячихъ коней, и они мчатся на нихъ во весь карьеръ. Стрѣльба въ цѣль составляетъ также излюбленную народную забаву, безъ которой не обходятся ни одни поминки и ни одна свадьба.

Абхазцы очень привѣтливы, вѣжливы въ обращеніи и даже, если хотите, галантны. Иногда бываешь положительно пораженъ тактомъ, съ какимъ умѣютъ держать себя какой-нибудь простой абхазскій крестьянинъ. Умѣнье держать себя, такъ сказать хорошій тонъ абхазцевъ особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ихъ съ другими горцами, напримѣръ—ихъ кубанскими сосѣдями, карачаевцами: послѣдніе кажутся въ сравненіи съ абхазцами какими-то неучами и дикарями. Когда вы пріѣзжаете въ абхазскій домъ, хозяинъ и хозяйка послѣ первыхъ привѣтствій сейчасъ же освѣдомляются о состояніи здоровья васъ самихъ и вашего семейства, и если бы вамъ хотѣлось съ дороги отдохнуть, спѣшатъ удовлетворить ваше желаніе и оставляютъ васъ въ покоѣ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ того назойливаго любопытства, доходящаго до безцеремонности, которое проявляютъ по отношенію къ гостю карачаевцы или сванеты. Когда вы находитесь въ дорогѣ—все равно, кто бы вы ни были, вы получаете отъ всѣхъ встрѣчныхъ привѣтливое «здравствуй» («бзелаабидъ») или «добрый день», «добрый вечеръ» («шабзе», «хулабзе»). Этого уже вы не встрѣтите на дорогахъ въ Мингреліи. Къ встрѣчнымъ пастухамъ обращаются съ привѣтствіемъ «бзе-хэйтъ», «да будетъ здоровъ твой скотъ»; людей, занятыхъ полевыми работами, привѣтствуютъ словами: «бзе жуй», т. е. «да спорится твоя работа», и т. д.—Что касается абхазскаго гостепріимства, то оно, полагаю, слишкомъ общезвѣстно, чтобы о немъ стоило распространяться. Скажу только, что на основаніи обычая гостепріимства, всякій проѣзжающій имѣетъ полное право остановиться въ любой саклѣ, въ какое бы то ни было время дня и ночи, и домохозяинъ не только не будетъ за это въ претензіи, но, напротивъ, будетъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что вы заглянули въ его жилище. Совершенно невѣрно ходячее въ публикѣ мнѣніе, будто абхазецъ, зазвавъ проѣзжаго

къ себѣ въ саклю и хорошо угостивъ его, затѣмъ подстерегаетъ его на дорогѣ, грабить и убиваетъ. Ничего подобнаго на дѣлѣ не существуетъ, и самый фактъ этотъ находится въ прямомъ противорѣчій съ абхазскимъ взглядомъ на обязанности хозяина по отношенію къ гостю. Гостепріимство здѣсь не только простой обычай, но скорѣе—законъ, вообще нѣчто священное, что нарушить считается важнымъ грѣхомъ, не говоря уже о томъ, что нарушеніе его навлекаетъ на того, кто дозволить себѣ сдѣлать это, всеобщее порицаніе. Каждый хозяинъ, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, старается предложить гостю все, что у него есть лучшаго изъ съѣстнаго, и приготовить ему для отдыха самое пышное, какое только найдется у него въ домѣ ложе. Во время угощенія хозяинъ будетъ все время стоять, не смѣя сѣсть съ вами за столъ безъ вашего приглашенія. Его старшая дочь или жена разноситъ вамъ кушанья и подаетъ воду для омовенія рукъ до и послѣ ужина, а когда вы будете ложиться спать, та же дѣвушка подойдетъ къ вамъ помочь вамъ раздѣться и омыть ваши ноги.

У абхазцевъ очень развито чувство собственного достоинства. Они не такъ обидчивы и вспыльчивы какъ гурійцы, но тѣмъ не менѣе, не выносятъ даже простой брани и тѣмъ болѣе—побоевъ. Всякаго, кто дозволить себѣ оскорбить абхазца дѣйствіемъ, ожидаетъ кровная месть со стороны обиженнаго. Ругательствъ на абхазскомъ языкѣ не существуетъ, и сварливые люди не пользуются въ странѣ никакимъ уваженіемъ. Особенно позорнымъ считается оскорбить, хотя бы простыми словами, женщину и въ особенности дѣвушку. Не было еще примѣра, чтобы такое оскорбленіе оставалось безнаказаннымъ: обидчика неминуемо ожидаетъ смерть отъ руки брата или мужа обиженной.

Абхазцы довольно лѣнны, мѣлительны въ своихъ движеніяхъ и чрезвычайно склонны къ праздности. Проѣзжающій постоянно видитъ цѣлыя группы туземцевъ, праздно валяющихся лѣтними жаркими днями въ тѣни раскидистыхъ орѣховъ. Когда надоѣдаетъ лежать подъ однимъ деревомъ, переходятъ подъ другое. Время для абхазцевъ ничего не стоитъ, и проѣзжему путешественнику, вступившему въ сношенія съ ними по какому-нибудь дѣлу, на примѣръ, по найму лошади, приходится сильно испытывать свое терпѣніе. Впрочемъ, упрекъ въ лѣности и праздности мы не имѣемъ права бросать въ лицо всѣмъ голословно. Среди туземцевъ попадаются много очень работающихъ людей, которые не любятъ сидѣть ни минуты безъ дѣла, и благосостояніе которыхъ создано исключительно ихъ честнымъ трудомъ.

Абхазцевъ очень часто, и не безъ нѣкотораго основанія, упрекаютъ въ страсти къ конокрадству. Въ послѣдніе годы, дѣйствительно, порокъ этотъ достигъ ужасающихъ размѣровъ и принялъ характеръ настоящаго народнаго зла. То, что дѣлалось въ Абхазіи въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ на-

стоящаго (1892) года, положительно выходить за предѣлы вѣроятнаго. Тѣмъ не менѣе, рискованно приписывать это дурное качество всему народу. Какъ отлично извѣстно всякому, кому случилось пожить болѣе или менѣе долгое время въ Абхазіи, занятіе конокрадствомъ въ настоящее время стало почти исключительной привилегіей бывшаго класса князей и дворянъ, считающихъ унизительнымъ для себя заниматься какой бы то ни было работой. Почти въ каждомъ селеніи укажутъ вамъ на какого-нибудь изъ князей Шервашидзе или Анчабадзе, или дворянъ Лакербайя и Моргани, какъ на извѣстнаго въ округѣ вора. Вообще же у абхазцевъ занятіе конокрадствомъ считается дѣломъ предосудительнымъ, и человѣкъ, разъ въ немъ заподозрѣнный, не пользуется уже никакимъ уваженіемъ.

Абхазцы отличаются необыкновенной выносливостью и способны въ дорогѣ дѣлать громадныя переходы при самой скудной пищѣ. Трудно бываетъ повѣрить, чтобы тотъ же самый лѣнивый абхазецъ, который внизу, въ деревнѣ, составлялъ ваше мученіе, досаждая вамъ своею медлительностью, могъ такъ внезапно и такъ полно переродиться, какъ только онъ попадаетъ въ горы. Горы и лѣсъ—это настоящая стихія абхазца.

Абхазцы чрезвычайно воздержны въ пищѣ. Ъдятъ обыкновенно всего 2 раза въ день—утромъ и вечеромъ—пищу, неизмѣнно состоящую изъ кукурузной каши, т. е. «абысты» (тоже что у черкесовъ «пааста»), изъ свѣжаго или круто просоленнаго козьяго или коровьяго сыру и кислаго молока. Иногда къ этому скудному обѣду присоединяютъ еще имеретинскую лобію (по абхаз. «акодъ»), т. е. вареную фасоль, протертую вмѣстѣ съ грецкими орѣхами и краснымъ перцемъ, поджаренный на огнѣ початокъ молодой кукурузы и кой-какія овощи. Въ случаѣ пріѣзда гостя всегда рѣжется курица, а иногда—баранъ, и печется сдобный кукурузный хлѣбъ съ сыромъ. Масла туземцы приготавливать не умѣютъ и потому его нѣтъ въ употребленіи. Вина туземцы выдѣлываютъ много (есть иные домохозяева, изъ простыхъ крестьянъ, которые заготавливаютъ его до 500 ведеръ въ годъ), потому что они большіе любители этого напитка и пьютъ его много, въ особенности въ гостяхъ. Впрочемъ пьянство здѣсь совершенно неизвѣстно, и считается крайне неприличнымъ для мужчины быть на-веселѣ и вообще выказывать какіе бы то ни было признаки опьяненія.

Равнымъ образомъ, абхазцы чрезвычайно цѣломудренны. Мужчины не знаютъ женщинъ иногда лѣтъ до 30—35, до самой своей женитьбы. Совершенно лишены основанія сообщаемыя Гавріиломъ, еп. Имеретинскимъ, свѣдѣнія о половой разнузданности абхазцевъ. Отношенія молодыхъ людей обоюдо пола, напротивъ того, отличаются безукоризненной чистотой, доходящей до пуризма. Никакихъ вѣбначныхъ отношеній не допускается, и молодого че-

ловѣка, соблазнившаго дѣвушку, неизбѣжно ожидаетъ кровная месть со стороны ея родственниковъ. Если же дѣвушка согласилась раздѣлить его любовь добровольно, ее ожидаетъ всеобщее презрѣніе. Обычай не позволяетъ даже молодому человѣку объясниться въ любви дѣвушкѣ и тѣмъ болѣе—обратно. Это считается чрезвычайно стыднымъ, и никто не рѣшится сдѣлать этого. Обыкновенно, если молодому человѣку нравится дѣвушка, и онъ хотѣлъ бы на ней жениться, онъ подсылаетъ отъ себя какое-нибудь довѣренное лицо къ ея напереницѣ вывѣдать, нравится ли ея подругѣ такой-то? Если окажется, что—да, начинается формальное сватовство. Хотя въ настоящее время браки устраиваются по большей части родителями, но тѣмъ не менѣе желаніе послѣднихъ не обязательно для дѣвушки, и она вольна выбрать себѣ кого ей хочется.

Абхазцы, повидимому, очень страстны—что доказывается лучше всего уголовной хроникой: наибольшее число убійствъ въ странѣ—которыя, кстати сказать, приняли въ послѣдніе годы хроническій характеръ, совершавшяся регулярно разъ или даже по два раза въ мѣсяцъ—вызваны ревностью или же являются послѣдствіями очень распространеннаго въ странѣ обычая умыкать невѣсть. Умыканіе производится или съ предварительнаго согласія дѣвушки или же насильно, и въ послѣднемъ случаѣ дѣло не обходится безъ нѣсколькихъ жертвъ, какъ со стороны партіи похитителя, такъ и со стороны родственниковъ дѣвушки, которые бросаются въ погоню за похитителемъ.

Что касается брака, то въ нашей формѣ, т. е. брака, освященнаго церковью, у абхазцевъ не существуетъ. Его избѣгаютъ даже самураванцы, которые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ревностные хрістіане. Существуетъ 2 типа брака у туземцевъ, изъ которыхъ одинъ—чисто туземный, а другой—займствованъ изъ Турціи, и его придерживаются исключительно магометане (здѣсь мы дѣлаемъ оговорку, что нѣкоторую часть свѣдѣній о бракѣ мы заимствуемъ изъ статьи неизвѣстнаго автора (три звѣздочки) въ VI вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.»¹⁾). Первый родъ брака состоитъ въ томъ, что, заручившись согласіемъ дѣвушки и ея родителей, женихъ приноситъ отцу дѣвушки, ея матери и ближайшимъ родственникамъ болѣе или менѣе цѣнные подарки. Цѣнность подарковъ обуславливается состояніемъ жениха. У богатыхъ князей иногда идутъ въ даръ цѣлыя табуны породистыхъ лошадей. Съ своей стороны, отецъ невѣсты отдариваетъ жениха подарками равной стоимости. Разъ обмѣнъ подарками произошелъ, бракъ считается заключеннымъ, и женихъ имѣетъ право взять къ себѣ дѣвушку. Брачный пиръ обыкновенно слѣдуетъ

¹⁾ Абхазцы (Азегы),—по поводу сочиненія г. Дубровина «Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ».

сейчасъ же послѣ обмѣна подарками. Но такъ какъ женихъ или отецъ не-
вѣсты очень часто не могутъ собраться съ средствами, чтобы представить всѣ
подарки сразу, то брачный пиръ откладывается на болѣе или менѣе продол-
жительное время, иногда на годъ или даже на два. Въ промежутокъ времени
между первымъ обмѣномъ подарками и свадебнымъ пиромъ, дѣвушка или ухо-
дитъ въ домъ къ своему мужу — въ случаѣ, если остановка за подарками
произошла со стороны отца невѣсты, или же — въ случаѣ, если задержка за
подарками существуетъ у жениха — продолжаетъ жить въ родительскомъ домѣ,
гдѣ однако женихъ можетъ свободно видаться съ ней. Это одинъ родъ брака,
наиболѣе въ странѣ распространенный. Другой видъ брака, заимствованный у
мусульманъ, состоитъ въ томъ, что женихъ даетъ дѣвушкѣ такъ называемый
«мѣкяхъ», или письменное обязательство обезпечить ее известной суммой
денегъ на случай добровольнаго развода или его смерти (жена въ Абхазіи не
пользуется имущественными правами послѣ смерти мужа). Мѣкяхъ закрѣпляется
муллою и свидѣтелями, при прочтеніи известной молитвы. Ни въ коемъ слу-
чаѣ не слѣдуетъ смѣшивать мѣкяхъ съ калымомъ. Калымъ всегда означаетъ
покупку женщины и указываетъ на приниженное состояніе женщины въ странѣ,
гдѣ онъ существуетъ. Мѣкяхъ же, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о сравнительно
свободномъ положеніи женщины. О значительномъ развитіи правъ женщины
говорить между прочимъ и тотъ фактъ, что разводъ въ Абхазіи крайне
обыкновенное явленіе и совершается чрезвычайно легко; женщина послѣ раз-
вода вольна выйти замужъ за кого ей угодно. Но это бываетъ лишь въ
томъ случаѣ, если разводъ произошелъ по добровольному соглашенію супруговъ.
Если же разводъ произошелъ по винѣ жены, виновную ожидаетъ общее пре-
зрѣніе, а мужъ, мало того, что воленъ расправиться какъ ему угодно съ со-
блазнителемъ, имѣетъ еще право требовать отъ родственниковъ жены уплаты
кровомщенія (т. е. цѣны крови его жены, которую, по обычаю, онъ могъ
бы убить за ея невѣрность).

Скажу теперь нѣсколько словъ о положеніи женщины въ домѣ
мужа и о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Жена въ домѣ
считается полной хозяйкой и вовсе не занимаетъ въ домѣ того угнетеннаго
положенія, на которое указываютъ нѣкоторые авторы, а со словъ ихъ и Ду-
бровинъ. Напротивъ того, какъ мы уже это видѣли, на женщинахъ лежитъ
весьма мало хозяйственныхъ обязанностей. Жена можетъ самостоятельно прини-
мать въ отсутствіе мужа гостей, и сама выѣзжать изъ дому безъ мужа, лишь
въ сопровожденіи свиты изъ нѣсколькихъ приближенныхъ людей (свита эта
назначается вовсе не для охраненія женщины въ дорогѣ, а исключительно для
почета). Очень часто бываетъ, что жена отправляется одна хлопотать по раз-
нымъ дѣламъ мужа. Роль хозяйки дома — вѣжливой, обходительной, распоря-

дительной, абхазки, даже изъ простыхъ крестьяноѣ, ведутъ съ поразительнымъ умѣньемъ. Вообще, относительно абхазской женщины можно сказать, что она по развитію стоитъ гораздо выше мужчины. Многія абхазки получаютъ въ настоящее время образованіе въ 3-классной женской прогимназіи въ Сухумѣ, тогда какъ для абхазскихъ мальчиковъ другихъ школъ, кромѣ первоначальныхъ горскихъ, въ краѣ не существуетъ.—Посторонняго человѣка поражаетъ необыкновенная странность отношеній, существующихъ въ абхазской семьѣ между супругами, въ особенности между молодыми. Такъ, новобрачные въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ брака не имѣютъ права въ присутствіи отца, матери, старшаго брата или гостя, находиться вмѣстѣ: если мужъ входитъ въ комнату, гдѣ находится одно изъ названныхъ лицъ, жена сейчасъ же удаляется изъ комнаты, и наоборотъ. Точно также, мужъ не можетъ обращаться къ своей женѣ въ присутствіи такихъ лицъ, съ какимъ-либо вопросомъ или приказаніемъ: онъ всегда ей передаетъ таковыя черезъ третье лицо. Наконецъ, мужъ не смѣетъ произносить настоящаго имени своей жены. Если кто-нибудь незнакомый съ абхазскими обычаями спроситъ у абхазца, какъ зовутъ его жену, ему ни за что не удастся добиться отъ послѣдняго отвѣта, и онъ поневолѣ долженъ будетъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ кому-нибудь изъ присутствующихъ. Для того, чтобы обращаться къ своей женѣ, мужъ придумываетъ ей какую-нибудь условную кличку. Но Боже его избави назвать ее по имени: это навлекло бы на него всеобщее порицаніе. Всѣ эти курьезные факты, насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ объ образцахъ не упоминались. Будучи крайне заинтересованъ ими, я подвергъ ихъ тщательной проверкѣ. Оказывается, что такія странныя отношенія между супругами распространены во всей Взыбской Абхазіи, Абжуа и даже отчасти въ Самурзакани. Любопытно, что подобныя же отношенія между супругами существовали и у черкесовъ, напримѣръ—у кабардинцевъ ¹⁾).

Полагаю, что сказаннаго совершенно достаточно, чтобы дать вамъ понятіе о взглядѣ абхазцевъ на бракъ и на взаимныя отношенія супруговъ. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ отношеній между родителями и дѣтьми. Отношенія родителей къ дѣтямъ у абхазцевъ отличаются необыкновенной нѣжностью. Совершенно лишено основанія утвержденіе, высказываемое Гавріиломъ еп. Имеретинскимъ, будто абхазцы никогда не ласкаютъ и вообще не любятъ своихъ дѣтей. Напротивъ того, все, что мы видѣли, указываетъ на то, что въ отношеніяхъ родителей къ своимъ дѣтямъ существуетъ самая трогательная нѣжность. Тѣлесныхъ наказаній—не только розогъ, но и

¹⁾ Срв. народныя сказанія Кабардинцевъ, помѣщенные въ «Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ», за 1871 годъ.

болѣе невинныхъ, въ родѣ щелчковъ, дранья за волосы и т. п., при воспитаніи совершенно не практикуется, такъ какъ туземцы вообще гнушаются тѣлесныхъ наказаній и тѣмъ болѣе позорнымъ считаютъ примѣнять ихъ къ существамъ беззащитнымъ и притомъ столь дорогимъ для нихъ, какъ дѣти. Вообще, на нашъ взглядъ, дѣтей въ Абхазіи даже чересчуръ балуютъ. Намъ рѣдко случалось слышать даже, чтобы мать прикрикнула на своего ребенка. Въ свою очередь, дѣти платятъ родителямъ крайней почтительностью и послушаніемъ. Почтительное отношеніе къ старшимъ вообще составляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ жизни Абхазіи. Дѣти и даже взрослые молодые люди по обычаю не имѣютъ права въ присутствіи старшихъ садиться и должны все время скромно молчать до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ старшихъ не обратится къ нимъ съ вопросомъ. Всегда, какъ только входитъ въ комнату старикъ, принято всѣмъ, и старымъ и молодымъ, вставать съ мѣста и садиться вновь только тогда, когда старикъ пригласитъ ихъ; всякое лицо, какъ бы вліятельно оно ни было, не исключая и князей, подчиняется этому обычаю. Всякое мнѣніе, высказываемое стариками, выслушивается присутствующими съ величайшимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Говоря объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, мы должны упомянуть о чрезвычайно распространенномъ въ Абхазіи и въ особенности въ Самуразакани обычаѣ отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужую семью. Обычай этотъ существуетъ преимущественно у князей и дворянъ, а изъ простыхъ крестьянъ у тѣхъ, кто имѣетъ большія средства, такъ какъ отдача дѣтей на воспитаніе, равно какъ и усыновленіе ихъ сопряжены съ большими расходами. Обычай требуетъ, чтобы какъ лицо, отдающее ребенка на воспитаніе, такъ и вскормившій его воспитатель обмѣнялись цѣнными подарками. Обычай отдавать дѣтей на воспитаніе вызывается вовсе не какими-нибудь корыстными или вообще мелко-практическаго свойства соображеніями, а возникъ еще въ давнія времена, вслѣдствіе желанія установить болѣе тѣсную связь между различными фамиліями. Желаніе это въ особенности имѣло свой *raison d'être* въ эпоху до покоренія нами Абхазіи, когда страна была раздираема постоянными междоусобіями, и кровная вражда была въ полномъ разгарѣ. Къ обычаю усыновленія часто прибѣгали, чтобы покончить мирнымъ путемъ кровавую вражду, существовавшую между 2 семействами. Въ послѣднемъ случаѣ обидчикъ отдавалъ своего сына на воспитаніе къ обиженному, и когда тотъ возвращалъ ему послѣдняго съ подарками, вражда считалась поконченной. Иногда лицо, которое желало заручиться чѣмъ либо содѣйствіемъ въ очень важномъ для него дѣлѣ, если оно не рассчитывало на простое обѣщаніе этого послѣдняго и хотѣло получить отъ него болѣе належащую гарантію, оно вступало съ нимъ въ молочное родство; для этого онъ прибѣгалъ къ

бами къ сосцамъ его жены или матери, послѣ чего оно считалось ими усыновленнымъ, и его новые молочные родственники были обязаны заботиться о немъ, какъ о родномъ сынѣ или братѣ. Подобный обрядъ усыновленія пришлося между прочимъ продѣлать автору «Воспоминаній Кавказскаго Офицера», когда онъ нанималъ проводника для своего опаснаго путешествія въ горы и желалъ получить отъ послѣдняго гарантію въ томъ, что онъ его не выдастъ. Вообще, лицо, взявшее ребенка на воспитаніе, относится къ нему какъ бы къ собственному сыну, окружая его не меньшей заботливостью, чѣмъ родной отецъ или мать. Такъ какъ ребенокъ находится у кормильца лѣтъ до 12, а мальчики даже и до 16, и только тогда возвращается родителямъ, то это разумѣется влияетъ до нѣкоторой степени на отношеніе его къ этимъ послѣднимъ: платя имъ должную дань уваженія, онъ, естественно, съ большей нѣжностью будетъ относиться къ своимъ кормильцамъ. Молочное родство у абхазцевъ считается отнюдь не менѣе важнымъ чѣмъ кровное. Лицо изъ фамиліи, которая находится въ молочномъ родствѣ съ другою фамиліей, не имѣетъ права вступать въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ этой послѣдней фамиліи—хотя бы то были отдаленные родственники. Замѣтимъ, что обычай вступать въ молочное родство былъ сильно развитъ и у черкесовъ, гдѣ онъ носилъ названіе аталычества (аталыкъ-кормилецъ).

Теперь намъ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о туземномъ обычномъ правѣ и о примѣненіи судебныхъ обычаевъ къ судопроизводству. Предметъ этотъ, однако, настолько обширный, что разсмотрѣніе его завлекло бы насъ слишкомъ далеко,—къ тому же мы лично почти не собрали о немъ свѣдѣній. Отсылаемъ поэтому гг. интересующихся къ обстоятельной статьѣ, посвященной этому предмету въ IV вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.» ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію религіознаго состоянія абхазцевъ. О религіозномъ состояніи Абхазіи писалось очень много—пожалуй, болѣе чѣмъ о чемъ-либо прочемъ. Къ сожалѣнію, далеко не все написанное по этому вопросу заслуживаетъ довѣрія. Въ особенности грѣшатъ противъ истины мелкія статейки разныхъ неизвѣстныхъ авторовъ, помѣщавшіяся въ газетѣ «Кавказъ» за 60-е годы. Свѣдѣнія же о религіи абхазцевъ, сообщаемыя беллетристомъ 50-хъ годовъ Савиновымъ въ его «Достоверныхъ разсказахъ объ Абхазіи» абсолютно не вѣрны и не имѣютъ рѣшительно никакой цѣны. Авторъ во 1) пользуется чужими наблюденіями, которыя онъ прикрашиваетъ произведеніями собственной фантазіи, и во 2) онъ постоянно путаетъ Абазеховъ, Абазинъ и Абхазцевъ, между тѣмъ какъ первые, какъ мы

¹⁾ Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству въ Абхазіи.

уже упоминали, представляют народъ, относящійся къ черкесской группѣ адыгъ и не имѣющій съ абхазцами рѣшительно ничего общаго ни въ языкѣ, ни въ религіи. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, у Савинова попадаютъ въ число абхазскихъ божествъ такіа, какъ Тлепсъ, богъ огня, какъ Мизитхъ, богъ лѣсовъ—божества чисто черкесскія, о которыхъ абхазцы не имѣютъ никакого представленія. Къ сожалѣнію, сообщаемыя Савиновымъ свѣдѣнія вошли полностью въ почтенный трудъ Дубровина.—Цѣнный свѣдѣнія о языческихъ божествахъ Абхазіи мы находимъ въ статьѣ бывшаго начальника Сухумскаго округа, г. Введенскаго (въ V вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.» ¹⁾). Кажется однако, что почтенный авторъ излишне умножилъ число абхазскихъ божествъ, а о нѣкоторыхъ даетъ не совсѣмъ вѣрное представленіе. Такъ напримѣръ, онъ упоминаетъ объ абхазскомъ божествѣ адзыланъ, которую онъ называетъ покровительницей водъ. Адзыланъ, по нашимъ разспросамъ, есть просто русалка, водяная нимфа, по большей части очень злая женщина, по однимъ очень безобразная, съ длинными отвислыми грудями, которыя она забрасываетъ себѣ за плечи; по другимъ—напротивъ, очень красивая голубоглазая дѣвушка съ длинными распущенными волосами. Вообще, показанія объ адзыланъ отличаются сбивчивостью: очевидно, старыя преданія стали уже забываться. Однако всѣ сходятся на томъ, что адзыланъ—вѣдь очень сильныя женщины, и всякому, кто имѣетъ несчастье встрѣтиться съ ними, предлагаютъ помѣряться силами: если адзыланъ одолѣетъ, она заставляетъ побѣжденнаго жить съ ней въ теченіи извѣстнаго времени.—Самыя цѣльныя свѣдѣнія о языческой религіи абхазцевъ мы находимъ въ «Очеркахъ Абхазской Мифологіи», написанныхъ природнымъ абхазцемъ, Соломономъ Званбойя. ²⁾ Наши мимолетныя наблюденія не могли ничего прибавить существеннаго къ этимъ свѣдѣніямъ и потому мы отсылаемъ къ статьямъ Званбойя и Введенскаго всѣхъ интересующихся въ подробностяхъ религіозными воззрѣніями абхазцевъ. Здѣсь же, для полноты нашего этнографическаго очерка, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи, въ которомъ мы застаемъ страну въ настоящее время. Абхазія въ настоящее время переживаетъ тотъ моментъ, когда религіозныя вѣрованія, завѣщанныя стариной, забываются, а новыхъ основъ религіи населеніе воспринять не успѣло. Вслѣдствіе этого, въ умахъ населенія существуетъ полный хаосъ воззрѣній; обрывки языческихъ вѣрованій перемѣшиваются въ нихъ съ остатками стариннаго христіанства и съ кой-какими магометанскими предразсудками. Хотя теперь въ странѣ усиленно стараются распространять христіанство, но способъ, принятый для распростране-

¹⁾ Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ, А—а (Введенскаго).

²⁾ „Кавказъ“ 1867 г. №№ 74, 75, 76.

нія его таково, что едва ли можетъ положить прочную основу христіанскаго ученія въ умахъ населенія. А между тѣмъ, какъ легко было бы посвятить здѣсь сѣмена христіанства. Абхазія вѣдь съиздавня была христіанскою страной. Какъ извѣстно, абхазцы приняли христіанскую вѣру еще при императорѣ Юстиніанѣ. До сихъ поръ еще въ странѣ сохранилось уваженіе къ древнимъ храмамъ въ Пицундѣ, Драндахъ, Лыхнахъ, Илори—памятникамъ христіанской культуры XI вѣка, которымъ такъ обстоятельно описаны въ сочиненіяхъ Dubois de Montpérgeux, Кондакова, Нордманна и проч. Этимъ храмамъ приносятся въ извѣстное время жертвы, они считаются неприкосновенными, и присяга, произнесенная въ нихъ, нерушимой. До сихъ поръ туземцы исполняютъ нѣкоторые христіанскіе обряды, чтутъ Великій и Успенскій посты, празднуютъ день св. Пасхи, Рождества, св. Георгія, Михаила и Гавріила, на Пасху красятъ яйца и проч. Кромѣ того, если прочесть внимательно *Очерки Абхазской Миеологіи* Званбойя, не трудно убѣдиться, что даже при своихъ языческихъ жертвоприношеніяхъ, называя имя какого-нибудь языческаго бога, абхазцы тѣмъ не менѣе обращаются не къ какимъ нибудь фетишамъ или олицетвореніямъ божества, а къ всемогущему Вышнему Богу. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи отвѣтъ, данный однимъ абхазцемъ Соломону Званбойя. Званбойя однажды спросилъ старика-пастуха, совершавшаго жертвоприношеніе, кого онъ подразумѣваетъ подъ именемъ «Хахту» (Всевышній), котораго онъ призывалъ при обрядѣ. Тотъ отвѣчалъ ему: «Бога, Создателя всего міра и человѣка». Званбойя предложилъ ему принять христіанскую вѣру. Пастухъ сказалъ, что радъ сдѣлать это, но не знаетъ, что читаетъ священникъ; когда же онъ самъ съ открытою душою простираетъ руки къ Богу и собственными словами проситъ о прощеніи грѣховъ и ниспосланіи благъ, то на душѣ дѣлается легче.— Къ числу остатковъ древняго христіанства слѣдуетъ между прочимъ отнести очень распространенное въ Абжуа и Самурзаканіи моленіе архангеламъ Михаилу и Гавріилу (по самурзакан. Самгаріа-хвама, по абхаз. Самкагаріа-лыпха-хавай, или Микамгаріа-анэхера). Объ этомъ моленіи въ литературѣ не упоминалось, и поэтому я вкратцѣ опишу его. Моленіе въ честь Михаила и Гавріила совершается разъ въ годъ, обыкновенно по понедѣльникамъ. Домохозяинъ, задумавшій его, приглашаетъ къ себѣ всѣхъ сосѣдей (мужчинъ). Передъ началомъ моленія рѣжутъ теленка, и всѣ присутствующіе гости и члены семейства собираются въ саклѣ около кувшина съ виномъ, зарытаго въ землѣ. Затѣмъ всѣ преклоняютъ колѣна и старшій въ семьѣ зажигаетъ восковую свѣчу и бросаетъ на уголья ладанъ, моля при этомъ архангеловъ Михаила и Гавріила о дарованіи здоровья всему семейству. Послѣ этого, достаютъ изъ земли кувшинъ съ виномъ и начинается пиръ. Жертвенное мясо при этомъ могутъ ѣсть только одни мужчины.

Что касается остатковъ языческихъ вѣрованій, то они, въ краткихъ словахъ, сводятся къ слѣдующему: Абхазцы почитаютъ нѣсколько божествъ, управляющихъ тѣми или другими явленіями природы, которымъ они приносятъ въ извѣстное время года жертвы. Вотъ названія этихъ божествъ: Афѹ, богъ грома и вообще атмосферныхъ явленій. Ему приносятъ жертвы во 1) при отправленіи стадъ въ горы и при возвращеніи ихъ оттуда, во 2) время лѣтней засухи и 3) послѣ того, какъ убьетъ громомъ человѣка или домашнее животное. Въ послѣднемъ случаѣ, по словамъ Званбойя, «хозяинъ собираетъ всю деревню, безъ различія пола, устраиваетъ на 4 столбахъ вышку такой вышины, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звѣри. Устроивъ вышку, всѣ присутствующіе совершаютъ вокругъ убитой скотины пляску, напѣвая извѣстные слова, именно, одна половина поетъ хоромъ Воетла, а другая Чаупаръ, и скотину поднимаютъ на вышку. Тамъ она остается на жертву хищнымъ птицамъ. По совершеніи пляски и поднятіи трупа убитой скотины, хозяинъ, въ знакъ благодарности Богу за посѣщеніе, приноситъ ему въ жертву другую скотину. Однако же, въ заключеніе молитвы, читаемой во время жертвоприношенія онъ проситъ Бога пощадить на будущее время какъ его самого, такъ и стада его. Если громомъ поразить человѣка, то и надъ его тѣломъ совершаютъ подобный же обрядъ. Во время круговой пляски родственники убитого не должны плакать, потому что, по понятіямъ абхазцевъ, Афѹ поразить всѣхъ присутствующихъ однимъ ударомъ. Описываемое суевѣріе до такой степени укоренилось въ Абхазіи, что никто безъ пляски и пѣсни не рѣшится поднять тѣло убитого громомъ человѣка или скотины». Мы нарочно привели во всей подробности эту выдержку изъ статьи Званбойя. Дѣло въ томъ, что мы въ христіанской Самурзакани обнаружили существованіе почти такого же самаго обряда. Онъ извѣстенъ здѣсь подъ названіемъ «жинишь-хвама», что значитъ верхняя молитва, и абхазцы изъ Абжуа прямо переводили мнѣ это названіе на абхазскій языкъ: «афулыпха», т. е. молитва въ честь Афѹ. И дѣйствительно, жинишь-хвама есть почти буквальное повтореніе вышеописаннаго абхазскаго обряда, лишь съ незначительными измѣненіями. Названіе «верхней молитвы» присвоено ей потому, что совершается она на горѣ ¹⁾. Курьезно, что подобный же обрядъ существовалъ и

¹⁾ Вотъ подробное описаніе этого обряда (сообщенное намъ образованной самурзаканской дѣвушкой, Дзааку Кордава): Когда убьетъ громомъ человѣка или скотину, берутъ большой мѣдный котелъ съ цѣпью, который до тѣхъ поръ хранился въ домѣ безъ употребленія, серебряный шнурокъ и лучшаго козла изъ стада, и съ этими предметами отправляются на близкую гору, гдѣ собирается народъ со всего околота. Тамъ втыкаютъ въ землю 4 столба, на нихъ кладутъ перекладины и все покрываютъ листьями и окружаютъ со всѣхъ сторонъ серебрянымъ шнуркомъ. Затѣмъ рѣжутъ козла и мясо его кладутъ на

у черноморскихъ черкесовъ (поткуаджъ и шансуговъ) ¹⁾.—За Афу, богомъ грома, слѣдующимъ по степени важности божествомъ является Шасшу, богъ кузнецовъ. Ему молятся кузнецы наканунѣ Нового Года. У абхазцевъ, даже у абжигцевъ и самурзаканцевъ, чрезвычайно распространено почитаніе Шасшу. Самой дѣйствительной въ странѣ присягой считается присяга, произнесенная на кузницѣ. Присягающій при этомъ говоритъ: «если я не скажу правды о томъ, о чемъ меня спрашиваютъ», или: «если я виноватъ въ чемъ меня обвиняютъ, то да разобьетъ Шасшу голову мою молоткомъ по наковальнѣ «и при этихъ словахъ ударяетъ три раза молоткомъ по наковальнѣ. (Сол. Званбойя). Но еще болѣе дѣйствительной считается въ Бзыбской Абхазіи присяга, принятая на г. Дидрипшъ, которая служитъ мѣстожительствомъ какого-то всемогущаго божества А набсн еха, а въ Самурзакани и Абжуа—присяга, произнесенная предъ древнимъ образомъ св. Георгія, въ Илорской церкви. Кромѣ боговъ Афы и Шасшу, ствуютъ еще: богъ А шв ен ша а а-А б на-Ин ч ва ху, покровитель охотниковъ, которому молятся при отправленіи на охоту; А й таръ, покровитель домашняго скота, которому приносятъ жертву пастухи; Д ж а д ж и—богъ земного плодородія, которому молятся домохозяева по сятія плодовъ съ полей и садовъ. Любопытно, что крайне характерный языческій обрядъ, который продѣлываютъ абхазскія дѣвушки во время засухи, описанный въ статьяхъ Званбойя и Введенскаго, существуетъ полностью, по моимъ разпросамъ, и въ Самурзакани. Характерно при этомъ, что слова распѣваемой при этомъ пѣсенки произносятся по-а б х а з с к и ²⁾).

Вотъ всѣ главнѣйшіе остатки языческихъ вѣрованій въ Абхазіи. О проявленіяхъ магометанскаго вліянія мы не станемъ говорить вовсе, потому что оно слишкомъ ничтожно и касается исключительно внѣшнихъ обрядовъ.

Послѣ этого всѣ пляшутъ круговую пляску, поютъ и въ заключеніе творятъ молитву Вышнему, чтобы онъ въ другой разъ пощадилъ ихъ. Если при этомъ въ средѣ присутствующихъ окажется кто-нибудь невѣрующій, онъ сдѣлается бѣшенымъ, и болѣзнь его пройдетъ лишь тогда, когда онъ помолится Вышнему.

¹⁾ Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки черкесъ, Л. Я. Люлье. Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. кн. V. 1862.

²⁾ Сообщаемъ вкратцѣ суть этого обряда для лицъ, незнакомыхъ съ упомянутыми статьями. Когда въ Абхазіи или Самурзакани бываетъ сильная засуха, дѣвушки со всего селенія собираются въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ дѣлаютъ куклу изъ соломы, которую онѣ одѣваютъ въ женское платье. Эту куклу сажаютъ затѣмъ на осла, прикрывъ послѣдняго бѣлой простыней, и всѣ отправляются къ какой-нибудь рѣчкѣ, гдѣ заранѣе былъ ими приготовленъ маленькій плотъ. При этомъ, всѣ дѣвушки, участвующія въ процессіи, распѣваютъ слѣдующія слова: „Дзіау, дзіау дзари! Ква ква мыкрылд аш-ах ипа дядшнуайт ады хучик ады хучик“, что значить въ буквальной переводѣ: Воды, воды достать: Достать воды дождевой-маргаритку красную. Сынъ Владыки, жаждетъ многаго воды, немного воды. Дойдя до рѣчки, снимаютъ куклу съ осла, кладутъ ее на плотъ, зажигаютъ и пускаютъ плотъ по теченію рѣки. Затѣмъ стараются перегнать осла черезъ рѣчку и наблюдаютъ, закричитъ онъ при этомъ или нѣтъ. Если закричитъ—это считается за хорошій признакъ. за предзнаменованіе скорого дождя; и чѣмъ сильнѣе будетъ ревѣть оселъ, тѣмъ сильнѣе будетъ дождикъ. Если оселъ не станетъ кричать, черезъ нѣсколько дней обрядъ повторяютъ снова.

Теперь намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ абхазскихъ народныхъ преданіяхъ и о памятникахъ сѣдой старины въ странѣ. Что касается перваго предмета, то насколько мнѣ извѣстно, онъ почти не затронутъ въ литературѣ. Я по крайней мѣрѣ встрѣчалъ въ литературѣ всего 2 преданія: самурзаканское преданіе объ очокочи (лѣсныхъ, людяхъ) и абживское преданіе о богатырѣ Брыскилліа (или Абрсклѣ), напечатанныя въ «Сборникѣ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» ¹⁾. Въ виду этого, крайне желательно было бы, чтобы кто-нибудь изъ этнографовъ взялся поскорѣе собрать абхазскія преданія, пока они еще не исчезли изъ памяти народа. Намъ лично привелось слышать всего 3 преданія; это во 1) преданіе о великанахъ Адоу, или Адоуква (мн. ч). существующее въ Бзыбской Абхазіи, 2) о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ) и 3) о карликахъ Цаніяхъ (или Ацанъ); послѣднія 2 преданія распространены по всей Абхазіи. Первое преданіе гласитъ, что нѣкогда, въ ущельи рѣки Бзыби, около Калдахваръ, жило племя страшныхъ великановъ людодовъ съ семью и болѣе головами, которые имѣли во лбу по одному глазу. Они долгое время разбойничали въ странѣ, наводя ужасъ на окрестныхъ жителей, пока не явились сюда богатыри Норты и не побѣдили ихъ. Могила одного изъ этихъ великановъ одноглазыхъ еще донинѣ указываютъ въ Калдахварскомъ ущельи, близъ развалинъ крѣпости Хассанъ-Табо. Остановимся нѣсколько на этомъ интересномъ преданіи. Адоу по абхазски значитъ собственно богатырь. Въ Абхазіи именемъ Доу или Адоу названъ между прочимъ одинъ изъ извѣстныхъ переваловъ (гдѣ, вѣстатіи сказать, находятъ въ землѣ въ большомъ количествѣ старинныя желѣзныя стрѣлы). Это абхазское преданіе невольно приводитъ намъ на мысль совершенно подобныя преданія, существующія у другихъ кавказскихъ горцевъ. У осетинъ мы также сталкиваемся съ сказаніями о борьбѣ богатырей Доу или Дзау, составлявшихъ въ древнія времена туземное населеніе Осетіи, съ храбрыми и неустрасливыми рыцарями-Нартами, явившимися къ нимъ изъ Персіи и вступившими съ ними въ упорную борьбу, которая кончилась пораженіемъ нартовъ и сліяніемъ ихъ съ туземцами ²⁾. У кабардинцевъ и черноморскихъ черкесовъ также чрезвычайно распространены преданія о борьбѣ неуклюжихъ великановъ-людо-

¹⁾ Вып. XIII, отд. II (1892 г.) и вып. V (1886 г.).

²⁾ Настоящая статья была уже приготовлена для печати, когда мы получали отъ нашего корреспондента въ Абхазіи, учителя Горской Школы при Ново-Аеонскомъ монастырѣ (въ Псиртхѣ), В. Г. Хорава, письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ существующую въ Абхазіи легенду о Нартахъ, совершенно аналогичную Нартовскимъ сказаніямъ Осетинъ и Черкесовъ—Адыговъ. „Эта легенда, вмѣстѣ съ другими преданіями, сообщаемыми г. Хоравъ, будетъ напечатана нами впоследствии въ подробностяхъ. Любопытно, что главнымъ героемъ

ѣдовъ съ храбрыми и хитрыми Нартами ¹⁾ ²⁾.—Передавая абхазское сказаніе о Циклопахъ, я не могу удержаться, чтобы не упомянуть здѣсь встать о любопытнѣйшемъ преданіи о великанахъ одноглазахъ, записанномъ въ Мингреліи, близъ границъ Самурзакани ³⁾. Преданіе это представляетъ почти буквально повтореніе Гомеровскаго сказанія о Циклопахъ. Любопытно, что преданіе приурочиваетъ мѣстожительство этихъ великановъ къ какимъ-то скаламъ на берегу Чернаго Моря, изъ которыхъ вытекаетъ мѣдъ. По нашему разумѣнію, это должно быть не что иное, какъ знаменитыя медовыя скалы на Черныхъ горахъ между Гаграми и Адлеромъ (недалеко отъ устья Взыби), гдѣ въ громадномъ количествѣ гнѣздятся дикія пчелы, дающія въ изобиліи превосходный мѣдъ. Такимъ образомъ, мингрельское преданіе сходится съ абхазскимъ, съ указаніемъ на мѣстожительство великановъ.

Второе сказаніе, которое намъ особенно часто приходилось слышать, такъ какъ оно чрезвычайно распространено въ странѣ—это сказаніе о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ). Эти лѣсные люди изображаются въ сказаніи чрезвычайно дикими существами, которыя живутъ въ глуши дѣственныхъ лѣсовъ Абхазіи. Они имѣютъ длинныя волосы. Одѣваются они въ звѣриныя шкуры, и на груди у нихъ всегда бываетъ привѣшанъ небольшой топоръ. Они очень злы, и встрѣча съ ними въ лѣсу не обѣщаетъ ничего хорошаго. Живутъ лѣсные люди охотой. Въ старое время, когда абхазцы только что явились въ страну, лѣсные люди жили всюду по лѣсамъ Абхазіи и пришлецамъ пришлось вынести съ ними упорную борьбу. Любопытно, что англійскій путешественникъ по Кавказу Фрешфильдъ принялъ это преданіе за истину и въ своемъ Отчетѣ въ Королевскомъ Географическомъ Обществѣ объ экспедиціи для разысканія погибшихъ на Кавказѣ англичанъ, сообщаетъ, ссылаясь на авторитетъ русскихъ официальныхъ лицъ, о существованіи въ лѣсахъ Абхазіи, въ долинѣ р. Кодора, дикихъ лѣсныхъ людей.

Третье преданіе, о Цаніяхъ, или Ацанахъ, безспорно, самое любопытное изъ всѣхъ. Насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ оно пока не появлялось. Прежде чѣмъ разсказать его, я долженъ ознакомить Васъ, Мм.

является здѣсь, какъ и въ Осетинскихъ и Черкесскихъ сказаніяхъ, все тотъ же Сосрыко (по абхаз. Сосрива, черкесск. Саузерукъ), рожденный чудеснымъ образомъ отъ обольстительной и хитрой женщины Сатанэ.

¹⁾ Нартовскія сказанія Осетинъ, Джантемира Шанаева (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц. вып. V).

²⁾ Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горцахъ, вып. V). Вѣрованія, религіозные обряды и предрассудки Черкесъ, Л. Я. Люлье, Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. V, 1862 г.

³⁾ Петровъ, И. Мингрельское сказаніе объ одноглазѣ (Сборн. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. V, 1886 г.)

Гг., съ оригинальными постройками, съ которыми это преданіе связано. Постройки эти замѣчательны какъ по своему оригинальному типу, такъ въ особенности по своему положенію высоко въ горахъ, близъ вѣчныхъ снѣговъ. Въ археологической литературѣ о нихъ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній. Почти на всѣхъ горахъ Абхазіи, на высотѣ отъ 7000 до 8000 футовъ, находятся оригинальныя городища, имѣющія видъ очень низенькихъ каменныхъ оградъ, сложенныхъ изъ необтесаннаго камня и замкнутыхъ обыкновенно въ видѣ четыре угольника. Большею частію, они находятся въ полуразрушенномъ состояніи, и неопытному глазу въ такихъ случаяхъ бываетъ трудно отличить ихъ отъ естественныхъ грудъ камней, образующихся на этихъ высотахъ путемъ обваловъ и осыпей. Расположены они обыкновенно гдѣ-нибудь на ровной лужайкѣ, удобной для пастбы скота, близъ горнаго потока. Эти постройки носятъ у туземцевъ названіе Цані-г-вара, т. е. ограда Цаніевъ. Вотъ что говоритъ объ этихъ Цаніяхъ народное преданіе (замѣтимъ — совершенно тождественное какъ въ Бзыбской Абхазіи, такъ и въ Абжуа и Самурзакани). Нѣкогда въ этихъ оградахъ жили карлики, принадлежавшіе къ племени Ацанъ или Цаніа (первое названіе абхазское, второе — самурзаканское). Тогда на землѣ было еще то блаженное время, когда не существовало ни вѣтра, ни холода, ни дождя, ни снѣга, ни даже — различія между днемъ и ночью. Солнце вѣчно сіяло на безоблачномъ небѣ, и Цаніямъ не было вовсе холодно на этихъ высотахъ, которыя теперь доступны для жительства лишь въ теченіе 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Цаніи беззаботно жили здѣсь со своими стадами, которыя паслись на сочной травѣ нагорныхъ луговъ, возлѣ прохладныхъ ручьевъ, бѣжавшихъ изъ подземныхъ источниковъ. Питались Цаніи исключительно молочными продуктами и мясомъ козъ; мясо ѣли сырымъ, такъ какъ употребленія огня не знали. Цаніи были очень нечестивый народъ, который совершенно не хотѣлъ признавать существованіе Бога. И вотъ Богъ, разгнѣвавшись на нихъ за ихъ невѣріе, задумалъ наказать ихъ. Однажды, кто-то изъ Цаніевъ замѣтилъ, что у козла, стоявшаго неподалеку на скалѣ, стала пошевеливаться борода, и вслѣдъ за этимъ Цаніи почувствовали новое для нихъ ощущеніе холода. Это былъ вѣтеръ, который послалъ въ 1-й разъ Богъ на землю, чтобы наказать нечестивыхъ Цаніевъ. Вѣтеръ нагналъ черныя тучи, которыя закрыли отъ Цаніевъ солнце, и вскорѣ съ неба стали падать бѣлые хлопья ваты, которые и покрыли всю землю. Вслѣдъ за тѣмъ, Богъ послалъ съ неба огонь, который воспламенилъ вату и сжегъ Цаніевъ. — Вотъ сущность преданія о Цаніяхъ. Преданіе это я слышалъ отъ нѣсколькихъ лицъ, и всѣ они его повторяли приблизительно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Разсказавъ о постройкахъ Цаніевъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ крайне любопытномъ памятникѣ старины, который мнѣ также довелось наблю-

дать въ горахъ Абхазіи. Именно, я хочу сказать о жертвенникахъ, которые находятся на многихъ горныхъ перевалахъ. Я лично видѣлъ ихъ на высокихъ перевалахъ Дзина и Хымсы. Въ «Воспоминаніяхъ Кавказскаго Офицера» упоминается о подобномъ же жертвенникѣ на перевалѣ черезъ Главный Кавказскій Хребетъ, въ Абхазіи, у г. Капышстры. Жертвенники эти состоятъ изъ нѣсколькихъ сложенныхъ въ видѣ четырехугольника камней. Сюда каждый переваливающій черезъ хребетъ обязанъ положить какое-нибудь приношеніе Духу Горъ, который иначе пошлетъ ему на дорогѣ туманъ или свѣжнюю вьюгу. Приношенія эти бываютъ самаго разнообразнаго характера. Обыкновенно кладутъ пули, деньги, какое-нибудь ненужное оружіе; женщины — пуговицы, ножницы, лоскутки. На жертвенникѣ Дзина я встрѣтилъ въ числѣ приношеній между прочимъ большой кристаллъ известковаго шпата. Никто изъ спутниковъ не смѣетъ присвоить себѣ какую-либо изъ находящихся на жертвенникѣ вещей, подѣ страхомъ неминуемаго наказанія свыше. Описываемые жертвенники принадлежать, очевидно, глубокой древности, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ грудѣ накопившихся вѣками приношеній находятся, между прочимъ, желѣзные наконечники стрѣлъ и копій, откуда и происходитъ абхазское названіе такихъ жертвенниковъ «Ахчаквахыку», т. е. мѣсто, гдѣ лежатъ стрѣлы. Вотъ образцы этихъ наконечниковъ, собранные мною въ землѣ на пер. Ачавчара. Они совершенно подобны тѣмъ, которые находятся на пер. Дзина (съ пер. Дзина я не могъ захватить ихъ, такъ какъ зорко наблюдавшій за мною все время проводникъ не позволялъ мнѣ сдѣлать этого ¹⁾).

Вообще, памятники старины въ Абхазіи едва затронуты изслѣдованіями и нуждаются въ дѣятельномъ, дальнѣйшемъ, изученіи. Въ Абхазіи напримѣръ, есть много пещеръ, служившихъ нѣкогда мѣстожительствомъ человѣка, которыя крайне интересно бы изслѣдовать. Самая любопытная изъ этихъ пещеръ или, вѣрнѣе, пещерныхъ жилищъ, есть Мычишская пещера, между сел. Отхары и Блабурхва. Она находится въ скалѣ, изъ подѣ которой вытекаетъ р. Мычишъ. Подойдя ближе къ этому мѣсту, вы увидите передъ собою громадную совершенно отвѣсную скалу, въ которой виднѣются въ разныхъ мѣстахъ 4-угольныхъ отверстія — родъ оконъ. Вообще, скала имѣетъ совершенное подобіе знаменитой скалы Уплисъ-Цихе, близъ г. Гори. Въ мычишскую пещеру въ недавнее время, говорятъ, пробовалъ пробраться одинъ абхазскій князь, проживавшій въ сел. Отхары, Маджаръ Ширвашидзе (не-

¹⁾ Въ Черноморскомъ округѣ, въ бассейнѣ р. Мзымты, около одного домена близъ сел. Романовскаго, находятъ наконечники стрѣлъ и копій, совершенно сходные съ описываемыми.

давно умершій). Для этого онъ съ помощью нѣсколькихъ десятковъ людей соорудилъ родъ воздушнаго моста, по которому онъ достигъ одного изъ оконъ и черезъ него спустился въ пещеру. Князь ограничился однако изслѣдованіями только первой комнаты, такъ какъ не рѣшился спутиться въ другія. Въ этой комнатѣ онъ нашелъ какіе-то серебряные сосуды, которые, говорятъ, были переданы имъ мѣстному участковому начальнику. Какая дальнѣйшая судьба постигла ихъ—мнѣ неизвѣстно. Не мѣшало бы поэтому гг. археологамъ серьезно заняться обслѣдованіемъ Мычишской пещеры. Равнымъ образомъ я хотѣлъ бы обратить вниманіе археологовъ на крайне-интересную въ археологическомъ отношеніи мѣстность, находящуюся въ Самурзакани, на правомъ берегу р. Ингура, около селенія Дихазурги. Это такъ наз. Дихагузба. Мѣстность, извѣстная подъ этимъ именемъ, лежитъ на СВ. склонѣ г. Сатанжи, которая сама по себѣ представляетъ много интереснаго. На вершинѣ этой страны находится высокая старинная башня, видная издали, а внизу у подножья горы, на берегу р. Ингура, также находятся какія-то развалины. Въ районѣ этой мѣстности издавна, при распахѣ земли, дѣлаютъ находки разныхъ вещей, преимущественно оружія. Я имѣлъ случай видѣть нѣсколько такихъ находокъ. Это суть: мѣдный (или бронзовый) топоръ, наконечникъ копья и женская застежка (фибула).

Этимъ свѣдѣніемъ я и закончу свое сообщеніе, которое и безъ того уже разрослось до нежелательныхъ размѣровъ.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ повторить, что я вовсе не имѣлъ въ виду своимъ сообщеніемъ вносить что-либо существенно-новое въ этнографическую литературу объ Абхазіи. Я желалъ лишь, изложеніемъ своихъ личныхъ 5-лѣтнихъ наблюденій, устранить кое-какія ошибки, вкравшіяся въ эту литературу и до сихъ поръ неисправленныя. Мнѣ хотѣлось также возбудить среди этнографовъ интересъ къ абхазцамъ — этому любопытному народу, являющемуся въ настоящее время единственнымъ представителемъ тѣхъ рыцарскихъ черкесскихъ племенъ, которыя нѣкогда, еще не такъ давно, занимали все Восточное побережье Чернаго моря вплоть до р. Ингура,—народу, который, къ сожалѣнію, теперь подъ давленіемъ русской культуры быстро утрачиваетъ свою племенную самобытность.